

МЫЗФМолом

4(7)/
2012

Газета национал-большевистского
фронта

www.nb-info.ru
nazbol.host22.com

В нашей газете вы найдёте материалы по истории НБ и НС идеологий, разнообразные статьи сторонников и соратников НБФ, стихи, новости, материалы с интернет ресурсом и многое другое. Если вы желаете опубликовать свои материалы, либо помочь нашей газете можете легко связаться с нами по электронной почте nbrussia@gmail.com Наша группа в «ВКОНТАКТЕ» http://vkontakte.ru/nazbol_nb/ Официальный сайт НБФ: <http://www.nb-info.ru/> Сайт отделения НБФ-Москва <http://nazbol.host22.com/>

...АНОНС...

Нет тебя светлей и краше, наша русская весна!

Национал-революционные выводы	2
100 лет расстрелу русских рабочих на Ленских приисках	3
Нужен ли России миф о "великом Столыпине"?	4
Ленин: патриот или изменник?	6
Красные в НСДАП (часть 1)	10
От протеста - к сопротивлению	13
Солдаты неправды	14
О сущности левого патриотизма	15

Языческий праздник плодородия

Празднование 1 мая имеет древние языческие корни и отнюдь не случайно называется Днем труда. Три тысячи лет назад жители Древней Италии поклонялись богине Майе - покровительнице земли и плодородия. В честь богини последний весенний месяц и был назван маем, а в первый день этого месяца устраивались торжества, чтобы затраченный весной труд - вспахивание земли и посевная - не прошел даром.

За минувшие тысячелетия обычаи древней Италии распространились во многих странах, жители которых устраивали в первый день мая массовые гуляния и шествия. По мере христианизации Европы церковь все активнее боролась с этой языческой традицией, которая практически полностью оказалась ликвидирована к концу XVIII века.

Вальпургиева ночь

С 30 апреля на 1 мая, по германскому народному поверью, служит ежегодным праздником ведьм, собирающихся в эту ночь на высокой, недоступной горе Брокен. Поверье это, выведенное также Гёте в 1-й части «Фауста», сложилось около конца VIII века, вероятно, таким же образом, как возникла и распространилась вера в колдуний и ведьм вообще: так как 1-е мая с особой торжественностью

праздновалось язычниками (первый весенний праздник, Белтайн), то все те, кто не мог сразу отказаться от языческих обрядов в пользу христианства, несмотря на строгое запрещение (под страхом смертной казни), продолжали собираться в недоступных местах, чтобы встретить 1-е мая.

Пролетарский праздник

Первомай в новом виде возродился в конце XIX века в рабочем движении, выдвигавшем в качестве одного из основных требований введение восьмичасового рабочего дня. 1 мая 1886 года социалистические, коммунистические и анархические организации США и Канады устроили ряд митингов и демонстраций. При разгоне такой демонстрации в Чикаго 4 мая, погибло шесть демонстрантов. В ходе последовавших за этим массовых выступлений протеста против жестоких действий полиции в результате взрыва бомбы последовавшей перестрелке было убито восемь полицейских и минимум четверо рабочих (по некоторым данным, до пятидесяти убитых и раненых), несколько десятков человек получили ранения. По обвинению в организации взрыва четверо рабочих-анархистов были приговорены к смерти (впоследствии было доказано, что обвинение было ложным). Именно в память о казнённых Парижский конгресс II Интернационала (июль 1889) объявил 1 мая Днём солидарности рабочих всего мира и предложил ежегодно отмечать его демонстрациями с социальными требованиями.

Первомай в Германии

Цитата из мюнхенской речи Гитлера 1 мая 1923: «1 мая может быть в жизни народа лишь прославлением национальной творческой свободы, в противовес интернациональной идее разложения, и освобождением национального духа и хозяйского порядка от интернациональной заразы. Это в конце концов вопрос выживания народов».

С приходом к власти Адольфа Гитлера этот день получил в 1933 году официальный статус. Он был назван «Днём национального труда». Через день после введения праздника НСДАП запретила все остальные профсоюзы. После войны в 1946 году праздник был с ограничениями подтверждён. Обычно в Германии первого мая проводятся демонстрации и пикеты профсоюзов и различных политических организаций. В локальном масштабе проводятся политически нейтральные встречи жителей и соседей - так называемые Hoffeste («дворовые праздники»). Первомай в Берлине известен ожесточёнными столкновениями между членами радикальных левых группировок и полицией.

Первомай в Российской Империи и СССР

В Российской Империи Первомай как день международной солидарности впервые отметили в 1890 году в Варшаве проведением стачки 10 тыс. рабочих. С 1897 года маевки стали носить политический характер и сопровождались массовыми демонстрациями. В росте самоорганизации Русского рабочего класса царский режим видел опасность. Жандармы разгоняли маевки, избивали рабочих, бросали организаторов в тюрьмы. Но репрессии не могли остановить Русский пролетариат.

На первомайские стачки и демонстрации 1912-1914 годов выходило более 400 тыс. рабочих. В 1917 году, после Февральской революции, Первомай впервые отпраздновали открыто: миллионы рабочих вышли на улицы с лозунгами «Долой министров-капиталистов», «Вся власть Советам», «Долой империалистическую войну!».

После Октябрьской революции 1917 года Первомай отмечался как праздник победившего народа - с массовыми демонстрациями трудящихся, народными гуляниями, парадами физкультурников и военными парадами (первый первомайский парад РККА состоялся в 1918 году на Ходынском поле).

1 мая 1990 года КПСС в последний раз приняла участие в официальной первомайской демонстрации.

В 1992 году праздник был переименован в «Праздник весны и труда». Сейчас Первомай в России обычно используется для проведения политических акций профсоюзами, партиями и движениями различной направленности, при этом все они выступают под своими знаменами и лозунгами.

Под сказки о свободе рынка, «свободе» личности и «общечеловеческих ценностях» демократы украли у народа его собственность, природные ресурсы, право на честный труд. Им не жаль миллионы рабочих, которые по воле «новых хозяев жизни» не вписались в глобализованный рынок. Им не жаль и самих предприятий - в одной только Москве уничтожены десятки заводов, фабрик, НИИ и КБ. Вот здесь и нужна самоорганизованность и дисциплина рабочих, чтобы быть в силе взять власть в свои белые рабочие руки и установить национальную трудовую диктатуру.

Национальная классовая борьба заканчивается, когда окончательно побеждает диктатура пролетариата (власть в интересах трудящегося и национального большинства) и строится национальное рабочее государство.

Единство и борьба!

За национальное возрождение и социальную правду!

Национал-революционные выводы

Национал-революционное движение должно определиться относительно последствий, которые появляются от необходимости дать рабочим и крестьянам возможность выступить вместе с нами. В этом случае мы сталкиваемся ни с чем иным, как с вопросом классовой борьбы. К этому вопросу принято относиться, как к своеобразному осиному гнезду, которое лучше не трогать. Про него уже сказано бесконечно много слов. На почве более чем тысячи аргументов классовая борьба исключалась, этически осуждалась, политически отклонялась, морально клеймилась. Выдумывались «улучшенные» теории, которые доказывали, что классовая борьба разрушает народное сообщество. В общей сложности, слышался голос буржуазного атакизма. Никто не осмеливался просто посмотреть в лицо действительной ситуации, которая доказывала, что классовая борьба сильнее всех этих теорий и справок. Классовая борьба оказалась реальностью посильнее, и требует от нас все более срочного и четкого ответа. Речь идет про нацию, а не про «народное сообщество». Чтобы быть исторически активной и культурно плодотворной, нация требует определенной внутренней закалки, которая отвечает ее имманентной сущности. Нация всегда будет иметь особое социальное определение. Народное же сообщество не чеканится, а конструируется. Оно является либеральным антитезисом национализма. Нация – это живой исторический организм, который постоянно развивается и созревает. «Народное сообщество» – это теоретический продукт людей, которые в ходе борьбы, путем которой идет созревание нации, хотели бы сойти с этого пути с помощью конструкта «народного государства». Следует четко понимать: создание «народного государства», как оно теоретически представляется, возможно лишь путем насильственного подавления класса, который борется за освобождение, и чьи жизненные интересы требуют продолжения классовой борьбы до победного конца. Вера в то, что битвам, которые происходят из-за органического развития, можно противопоставить идеальные конструкции, показывает, насколько силен буржуазный атакизм и насколько слабо мы привыкли полагаться на собственные силы. Именно потому, что мы являемся националистами и рассматриваем нацию как организм, который постоянно развивается и растет, мы заинтересованы в том, чтобы эта внутренняя борьба была доведена до завершения. Сейчас

существует определенное классовое положение, из которого неминуемо выплывает классовая борьба. Это естественное последствие исторической ситуации.

Мы признаем ее!

Желание склонить на свою сторону рабочий класс в политическом смысле, не учитывая при этом его классовое положение, есть ничто иное, как политическая спекуляция, к тому же фальшивая.

Революционная борьба рабочего класса полностью оправдана, поскольку она продиктована отношением со стороны господствующих сообществ. Мы откровенно заявляем, что именно боевая часть рабочего класса кажется нам наиболее важным элементом для будущего нации, и ей принадлежат наши самые искренние симпатии. Мы наблюдали за упадком нации наряду с упадком старого общества. Мы видим практическую позицию буржуазии ежедневно собственными глазами. Мы знаем, что этот класс не способен отстроить нацию заново. Очевидно, что нация может возродиться только с восхождением новых сил. Однако этому мешает классовый эгоизм старого господствующего класса, без которого эти силы все еще могли бы взять на себя миссию руководства ради интересов общества. Исходя из этой ситуации рождается необходимость бороться против буржуазии. Интерес государства состоит в появлении нового класса!

Понятно, что национал-революционная идеология значительно отличается от учения интернационального пролетариата по многим точкам зрения. Для нас классовая борьба является переходным этапом в новое общество. Она должна создать новое клише, с помощью которого нация снова будет состоянием реализовать свою культурную и политическую плодотворность. Мы можем воспринимать ценность рабочего класса и миссию рабочих только как национальную. Идея интернационального пролетариата, в основе которой лежит отрицание органического, является для нас идеей лишенной моральности. Поэтому ключевым вопросом является то, насколько сильно может связать национализм революционную борьбу рабочих с новой моралью. Националист разделяет не те же идеи, что материалист. Для него вопрос материального окружения не первостепенный. Он живет мыслью упорядоченности и подчинения интересам нации. Ответственность перед нацией является критерием его ценностей и мерилом его действий. Для марксистского рабочего мысль о подчинении своего благосостояния интересам класса, а при необходимости и жертва – нормальны. Мы требуем такой же абсолютной дисциплины для нации. Из этого не следует, что революционная боевая сила рабочего класса ослабляется таким подчинением, поскольку то, что конкретный работник теряет в приблизительном материалистическом отражении, более чем компенсируется фанатизмом морального призвания. Наше осуждение буржуазии следует из идеи ее ответственности перед нацией.

Автор: Хартмут Плаас
Опубликовано в газете «Der Vormarsch» («Наступление»)
в октябре 1928 года.
Перевод с украинского перевода Юрия Михальчишина.

Про автора: Хартмут Плаас (1899 – 1944). Участник Первой мировой войны на море, доброволец. Служил на крейсере «Кельн», в 1918 году интернирован на британской базе Скапа-флоу. Лейтенант флота, участвовал в боевых действиях в составе 2-ой бригады морской пехоты Г. Эрхардта в 1919 – 1921 гг. Альтернатив Эрхардта. Активист многих подпольных патристических военно-террористических организаций («Консул», «Викинг»). В октябре 1922 года осужден за соучастие в организации убийства министра иностранных дел Германии Вальтера Ратенау, которого национал-патриоты Германии считали одним из неvirtуальных сионских мудрецов, ответственного за капитуляцию и подписание позорного Версальского мира. Публицист, сотрудничал с Э.Юнгером и другими патристическими литераторами. Офицер СС. Казнен в 1944 году за контакты с кругами, причастными к покушению на А.Гитлера.

Источник: Ватра
<http://nsportal.org.ua/?p=341>

Рецензии в ШИМ: Планета бурь (1961), Ленфильм

Советский ортхаузный фильм периода хрущевской оттепели, когда было временно разрешено не только рисовать всякую безумную абстракционистскую муйню, но и снимать её с передовыми на тот момент спецэффектами.

Действие разворачивается в 2157 году; СССР посылает три космических корабля на Венеру, чтобы исследовать тамошние условия жизни - видимо, с целью последующей вооруженной экспансии и включения Венеры в состав Варшавского договора.

Создатели кина не разводят нюни и не тянут кота: один из кораблей внезапно взрывается от столкновения с метеоритом примерно на тридцатой секунде фильма, наверняка это самая быстрая трагедия в мировом кинематографе. Оставшиеся два венеролёта садятся на поверхность планеты; в составе экипажей четверо советских мужчин, 1 советская женщина и 1 наблюдатель от НАТО со своим верным другом - человекообразным разумным роботом, который вскоре гибнет в раскаленной лаве, предвосхищая таким образом финальный эпизод Терминатора-2.

Сразу же после высадки на космонавтов нападает плотоядный цветок говнянского цвета; с помощью tentаклей он проделывает с членами экипажа разнообразные манипуляции; жаль, что в числе подвергшихся нападению - исключительно мужики.

Затем космонавтам приходится сражаться со всё более высокоуровневыми боссами, включая летающих.

И, наконец, апофеоз картины: битва с многочисленными говноящерами.

В итоге космонавты находят на планете признаки разумной жизни, но так как у них к тому моменту заканчиваются патроны, вступить с ней в непосредственный контакт не решаются и спешно эвакуируются обратно на Землю.

Финальный кадр - разумный венерианец приходит на берег озера; мы видим его отражение ногами вверх. Если перевернуть кадр, то можно наблюдать вполне симпатичную белую женщину с большой грудью.

Источник: <http://andeadd.livejournal.com/696743.html>

100 лет массовому убийству русских рабочих на Ленских приисках

100 лет назад, 17 (4) апреля 1912 года, в глубине Сибири были расстреляны безоружные русские рабочие. Почему и где это случилось?

Условия труда и быта рабочих

На 1912 год в в Ленско-Витимском золотоносном крае работали 52 прииска, добывалось много золота, и доходы золотопромышленного товарищества «Лензото» были велики. Всего на приисках к 1912 году было занято около 11 тысяч рабочих. Трудились и жили они в очень тяжелых, каторжных условиях. Мало кто выдерживал больше двух-трех лет. Рабочий день длился 11,5 часа и до 16 часов в день; в сезон с 1 апреля по 1 октября выходных давали один-два в месяц. Дневная зарплата у рабочих была от 1 руб. 35 коп. до 2 руб. 75 коп. при высшем разряде. А пуд муки стоил 4 руб. 40 коп., сахара – 10 руб. Часто рабочих штрафовали – от 3 до 25 руб. за одну провинность. Работа в шахтах велась непрерывно, днем и ночью, летом и зимой.

Трудились рабочие в ужасных условиях при полном отсутствии средств охраны труда. В шахты натекала вода, рабочие были постоянно мокрые. Только в 1910–1911 годах горный надзор учел 896 несчастных случаев на 5442 работающих в шахтах. На все прииски был один врач. Жили рабочие в бараках, спали на нарах. В бараке была одна печь – зимой в нем было холодно; круглый год в печи готовили пищу, грели воду; летом в бараке было жарко. Барак был кухней, прачечной, сушильной рабочей одежды и обуви. Бани были примитивными, нуждающихся в помывке людей много, получалось, рабочие бывали в бане не каждый месяц.

Забастовочная борьба

Рабочие приисков неоднократно протестовали против тяжелых условий своей жизни. Так, 1888 год «был обилён забастовками». В 1901 году бастовало 1700 рабочих. Всего с 1900 по 1905 год было десять забастовок. Постоянно нараставшее недовольство рабочих «Лензото» царившим на приисках порядком могло в любой момент проявиться. В феврале 1912 года это и произошло.

Требования рабочих

Собравшись вместе, рабочие решили бастовать. Был избран забастовочный комитет, в разные периоды в нем состояло от 15 до 100 рабочих-депутатов. На собрании были выработаны требования:

- улучшение питания, жилищных условий,
- 8-часовой рабочий день,
- по воскресеньям – выходной,
- увеличение расценок до 30%,
- отмена штрафов,
- улучшение медпомощи,
- оплата больничного.

К 4 марта к забастовке присоединились рабочие почти всех приисков «Лензото».

Администрация главного приискового управления отказалась выполнять эти требования.

Прокурор Преображенский заявлял, что он депутатов не признает, пока сами рабочие, каждый в отдельности, не подадут ему заявления о том, что депутаты являются передатчиками требований рабочих. Эти заявления получили название «сознательных записок». Рабочие решили идти вместе и вручить прокурору эти записки.

4 апреля на Александровском прииске собралась группа депутатов, старосты и рабочие. Депутаты-большевики считали, что рабочие не должны устраивать шествия. После этого подошли рабочие с Нижних приисков, всего собралось около 2 тысяч человек. Депутаты-эсеры заявляли, что начальство их не признает и надо идти на Надеждинский всем народом.

Большевики говорили, что там рабочих ждут солдаты, которые силой должны заставить их добывать золото. Однако большинство не слушали предостережений. Они говорили: «Солдаты в мирных людей не будут стрелять». (а как вы думаете: будут стрелять и Онешние служисты в народ или... на что вы надеетесь?)

Развязка

К Надеждинскому двинулась колонна рабочих, растянувшаяся почти на две версты. В это время на Надеждинском находились прокурор Преображенский, судья Хитун, горный инженер Тульчинский, начальник полиции ротмистр Трещенков, командовал солдатами штабс-капитан Санжаренко. Было 110 солдат и 30 стражников.

Вечером колонна рабочих пришла в поселок Надеждинский. Около моста через ручей Аканак рабочие остановились. До солдат было около 300 шагов. Неожиданно раздалась стрельба, солдаты и стражники стреляли вразнобой. Солдаты израсходовали 865 патронов, стражники – 120. По всей дороге лежали убитые и раненые рабочие. Всего было убито около 270 человек, ранено около 250. После патроны посчитали точнее, чем побитых людей. Солдаты стреляли и в рабочих, которые пытались помочь раненым

товарищам. Только через два часа появились подводы, на которых стали увозить убитых и раненых.

Дальнейшие события

Расстрел потряс и ошеломил русских рабочих, но не запугал. Забастовку решили продолжать. К прежним требованиям добавилось новое – найти виновных в расстреле.

Власти требовали полного подавления забастовки. Были арестованы другие депутаты. Выдача продуктов была сокращена. Администрация приисков решила всех бастующих вывезти с приисков, а до того выселить из барачков.

Рабочие послали телеграммы о случившемся в Петербург, Иркутск 5 апреля и позднее.

Русский пролетариат провел забастовки-протесты против убийства рабочих на Ленских приисках. Они прошли в Петербурге, Киеве, Риге, Саратове и в других городах с 8 по 30 апреля. 1 мая в забастовке участвовало 400 тысяч рабочих. 11 апреля министр Макаров, отвечая в Госдуме по поводу расстрела, заявил: «Так было и так будет и далее».

28 июня горняки по призыву стачкома прекратили работу.

4 июля началась эвакуация с приисков по рекам Витиму и Лене на пароходах, баржах, лодках. Увозили много раненых и больных. Всего выехало около 11 тысяч человек.

Переезд проходил в трудных условиях, баржи и лодки были грязные, протекали, людям было тесно. От пристаней на Лене через степи люди ехали на подводах и шли пешком летом – то в жару, то в дождь, в сентябре – по холоду. В пути от Бодайбо до Иркутска умерло много раненых, больных, стариков, детей. Сколько – никто не считал...

Так закончилась трагедия на приисках «Лензото».

Управление добывающей компанией

На момент забастовки 66 % акций товарищества «Лензото» принадлежало компании «Lena Goldfields» (Разумов О.Н. Из истории взаимоотношений российского и иностранного акционерного капитала в сибирской золотопромышленности в начале XX века // Предприниматели и предпринимательство в Сибири в XVIII – начале XX века. — Барнаул: Изд-во АГУ: 1995. — С. 139-153.). Компания была зарегистрирована в Лондоне.

Примерно 30 % акций «Лензото» владели Гинцбург и их компаньоны. Непосредственное управление Ленскими рудниками осуществлял «Лензото» в лице еврейского предпринимателя Гинцбурга. Правление товарищества, действовавшие на момент забастовки, было избрано в июне 1909 года:

Директор-распорядитель — барон Альфред Горацевич Гинцбург;
Директора правления — М. Е. Мейер и Г. С. Шамнаньер;
Члены ревизионной комиссии — В. В. Век, Г. Б. Слиозберг, Л. Ф. Грауман, В.З. Фридляндский и Р. И. Эбенау;
Кандидаты в члены правления — В. М. Липин, Б. Ф. Юнкер и А. В. Гувелякен;
Управляющий приисками — И. Н. Белозеров.

Заклучение

«Кто контролирует деньги нации, тот контролирует саму нацию» — гласит американская поговорка. В Российской Империи деньги страны контролировали Дом Романовых - Гольштейн-Готторп-Романовской династии и его «подручные».

В первые годы власти Николая 2-го иностранный капитал имел (или контролировал, что почти одно и то же) богатства Российской Империи в размере 20-30%, то к 1913 году уже 60-70%, а к сентябрю 1917 года – 90%.

И этот рост – тоже один из итогов труда Николая 2 на «благо» России. Так, Николай 2 слил финансы империи, а эти – соВРЕМЕННЫЕ без земли, недр и лесов русских оставят.

Но, если посмотреть на суть событий тех лет, становится очевидным, что ничего не меняется в дурных головах психопатов миллионеров, эксплуататоров простого русского народа и недр России в частности (втягивание в ВТО – последний сдаваемый рубеж).

В оккупированной стране победившего колониального капитализма подобные случаи не только впереди, но они уже существуют: Пикалево, станица Кушёвская, Астрахань, на заводах Дерибаски и много где ещё. Но есть опасения, что дерипаски – прохоры – цапки и им подобные враги русского народа, обезумевшие от шального бабла, ещё себя покажут... У них ещё впереди не только поправки и изменения в трудовое и иное законодательство РФ, но и полномасштабные «Ленские расстрелы».

подготовил Ганс Шредер

“В товарные вагоны загружали народ”. Нужен ли России миф о «великом Столыпине»?

Апологетика Столыпина, на которой сходятся многие либералы и «охранители», игнорирует исторические факты

Исторический юбилей – штука всегда весьма хорошая для правителей. Имитировать свою полезность в настоящем удобнее всего под разговоры о великом и славном прошлом. В нынешнем году власть предрежающим особенно повезло с громкими юбилеями. Тут и 1150-летие основания государства Российского, и 400 лет преодоления Смутного времени, и 200 лет Отечественной войны. Всё это – эпохальные вехи в истории России. Казалось бы, можно было ограничиться ими. И так целый год можно не заниматься ничем другим, кроме торжественных собраний и парадных речей, открытий памятников и презентаций. Ан нет, «до кучи» сюда же было добавлено и событие, ну явно не претендовавшее на равный с перечисленными статус. А именно – 150 лет со дня рождения Петра Аркадьевича Столыпина.

До недавних пор над возвеличиванием образа Столыпина в массовом сознании работали главным образом представители нынешнего либерального направления. Достаточно сказать, что в советское время частичная реабилитация Столыпина началась с трудов одного из зачинателей неолиберальной волны в отечественной историографии – Арона Яковлевича Авреха. Ещё в 1968 году он выпустил книгу «Столыпин и Третья Дума», которая тогда подверглась суровой официальной критике. А.Я. Аврех пытался показать, что, наряду с подавлением революционного движения, в деятельности Столыпина прослеживалась и другая тенденция, причём объективно-прогрессивная, а именно – попытка буржуазного реформирования России. Больше двадцати лет после этого Арон Яковлевич не притрагивался к этой теме, но в «перестройку» выпустил

новую монографию – «П.А. Столыпин и судьбы реформ в России» (М., 1991). В ней он уже намного откровеннее высказал свою положительную (хотя и с некоторыми оговорками) оценку этого государственного деятеля предреволюционной России.

Интерес к фигуре и политическому наследию Столыпина в 90-е гг. прошлого века в немалой степени подогревался шедшими тогда спорами о допущении частной собственности на землю в современной России. Ссылками на авторитет Столыпина нередко доказывалась необходимость разрешения свободной купли-продажи земли. В силу этого национал-патриотическое направление российской общественности заняло, по большей части, отрицательную позицию в отношении Столыпина.

Тон дискуссий о Столыпине, заданный этими политическим спорами 1990-х гг., доминировал и в 2000-е гг. Нещадно ругаемый патриотами всех мастей Николай Карлович Сванидзе выпустил позитивный фильм о Столыпине в своём цикле «Исторические хроники». А такой патриотический гуру-историк как Игорь Яковлевич Фроянов резко негативно отзывался о Столыпине, прежде всего, за его стремление разрушить русскую крестьянскую общину.

В статье «Российская история и современная политика», опубликованной в «Санкт-Петербургских Ведомостях» 27 февраля 2001 года, И.Я. Фроянов заявил, в частности: «Нет оснований видеть в Столыпине национального героя, достойного поклонения. Земельная реформа, которую он пытался осуществить, шла вразрез с традиционным ходом русской истории». А 22 декабря 2008 года «православное информационное агентство» «Русская Линия» поместило выдержки из интервью с Фрояновым. «Моё мнение о Столыпине отрицательное – это доктринёр, плохо знавший русское крестьянство, русскую народную жизнь, либерал, ретивый сторонник частной собственности на землю, – заявил историк. – ...Имя Столыпина поднимают либералы. Он им нужен как знамя».

Мнение Фроянова о Столыпине долго отражало мейнстрим в патриотическом направлении. Хотя всегда имелась и другая струя: считать Столыпина выдающимся государственным деятелем патриотического толка за его громкие слова о величии России. Впервые она была представлена в подборке речей Столыпина, опубликованной в №3 журнала «Наш Современник» за 1990 год. Фраза Столыпина «Вам нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия!» переадресовывалась тогда демократам ельцинского призыва. Это было отношение к Столыпину «патриотов-охранителей».

И вот теперь часть наших патриотов дружно включилась в государственное чествование Столыпина, начатое ещё в прошлом году мероприятиями, посвящёнными 100-летию гибели царского премьера. Позиции двух казалось бы столь разнородных направлений, как либералы и «охранители», сошлись в положительной оценке этого деятеля. Что же, фигура Столыпина действительно может стать одним из объединяющих символов России?

Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться к историческому содержанию деятельности Столыпина. Её основные факты, как считает автор, наглядно опровергают формируемую о нём легенду.

Миф о «великом Столыпине» утверждает, что он был способен обеспечить развитие России, уберегая её от революции и от крайностей реакции. Убийство Столыпина революционерами в 1911 году подорвало его спасительный для России план, а окончательное крушение надежд на спокойное развитие России было связано с начавшейся в 1914 году мировой войной. Данная легенда основывается на тезисах об успешном ходе двух мероприятий, проводившихся Столыпиным: 1) аграрной реформы, 2) подавления революционного движения. Начнём с первого.

Главными целями столыпинской аграрной реформы были создание класса мелких земельных собственников и социальное успокоение русской деревни. За 10 лет реформы (1907-1916; аграрная реформа продолжалась и после убийства Столыпина) из общины вышла и закрепила земельные наделы в частную собственность примерно четверть всех домохозяев. Много это или мало?

С одной стороны, можно считать, что нормальный ход реформы прервала революция. С другой, темпы выхода крестьян из общины, возраставшие в 1908-1910 гг., резко замедлились в 1911 году. Потом они снова возросли, но изменились мотивы этого выхода. Если сначала из общины выходили главным образом зажиточные крестьяне, отвечавшие представлению Столыпина о крепком хозяине, то в дальнейшем увеличилось число крестьян, стремившихся таким путём продать свой земельный надел. Всего же из примерно 2,5 млн. домохозяев, выделившихся из общины, продали свои земли 1,2 млн. – почти половина.

Столыпинская реформа привела к мобилизации земельной собственности, её концентрации у самых зажиточных хозяев. Неизбежной обратной стороной такого процесса становилась пауперизация значительной части крестьянства. До реформы бедняки составляли 59,6% крестьян, середняки – 31,8%, кулаки – 8,6%. Несколько лет реформы изменили это соотношение так: бедняки – 63,8%, середняки – 29,8%, кулаки – 6,4%. Понятно, что социальному успокоению русской деревни такой процесс содействовать никак не мог.

Мало того. Разорившиеся крестьяне пополняли ряды городского пролетариата, где они были гораздо опаснее для государственного порядка, чем в деревне. Таким образом, в своём дальнейшем осуществлении столыпинская аграрная реформа неизбежно вела к социальному взрыву и новой революции. То есть – била мимо той цели, ради которой затевалась. Даже при отсутствии внешней войны, Россия не имела бы тех «20 лет

“В товарные вагоны загружали народ”. Нужен ли России миф о «великом Столыпине»?

покая», о которых мечтал Столыпин. Развязка его реформы наступила бы раньше.

Отрицательное отношение многих к реформе Столыпина, как тогда, так и сейчас, основано на неприятии разрушения крестьянской общины. Конечно, община не может быть признана какой-то святыней русской жизни. Поэтому важно установить, насколько она в то время действительно отжила. Факты не позволяют говорить об общинном землевладении в России в начале XX века как о чём-то отсталом, архаичном, ненужном. Можно по-разному интерпретировать цифру в 27% домохозяев, выделившихся из общины. Но вот ещё данные.

Из 9,8 млн. десятин земли, купленных крестьянами за годы реформы, 6,2 млн. (63%) было приобретено не частными собственниками, а крестьянскими товариществами (общинами, артелями и т.д.). Крестьяне, переселявшиеся в Сибирь с поощрения правительства, на новом месте не создавали фермерские хозяйства, а воссоздавали общину. В неурожайные годы, каким был 1911-й, резко сокращалось число выделившихся из общины и наблюдался обратный процесс – возврат в общину. То есть в тяжёлое время опорой крестьянства по-прежнему была община, доказавшая свою жизнеспособность и практичность в России того времени.

Следовательно, реформа Столыпина провалилась в главном – в ставке на создание широкого класса мелких земельных собственников. И этот результат очевиден уже по итогам тех десяти лет, в которые реформа реально осуществлялась. Главным же следствием разрушения общины, проводившегося под нажимом властей, стала колоссальная пертурбация, внесённая правительством в жизнь русской деревни.

Приходится согласиться с И.Я. Фрояновым: «Силовая ликвидация общины озлобила и революционизировала русское крестьянство». Хотя принципом реформы была объявлена добровольность, но всем известно, во что таковая обычно выливается в российских условиях, когда власть ставит перед своими местными агентами цель и необходимость отчитываться по результатам. Неверно полагать, будто сто лет назад было как-то иначе.

Пытаясь доказать благие последствия реформы Столыпина, нередко говорят о росте производства и благосостояния России в те годы. В частности, упоминают о том, что Россия была одним из крупнейших в мире экспортёров продукции сельского хозяйства. Указывают на свидетельстве возросшего уровня жизни (правда, преимущественно в городах). Что же, известно, что в 1909-1913 гг. среднегодовой прирост производства основных продовольственных культур в России составлял 1,4%. Это было даже ниже, чем в 1900-1905 гг. (2,4% в год). В то же время население России в этот период возрастало за один год в среднем на 1,6%.

О чём это говорит? О том, что прирост аграрного производства отставал от роста народонаселения. Следовательно, среднестатистический уровень потребления продовольствия в России за годы столыпинской реформы не увеличивался, а снижался! Поэтому факты увеличения такого потребления в те годы могут относиться только к отдельным социальным слоям, но никак не к большинству населения тогдашней России. Здесь мы наблюдаем картину, аналогичную той, которую видели воочию ещё недавно, в 1990-е годы – рост благосостояния некоторых социальных групп на фоне ухудшения положения основной массы граждан. То есть, реформа Столыпина осуществлялась в интересах меньшинства населения России.

Между тем, есть и факты, позволяющие говорить о некотором повышении благосостояния русского крестьянства перед Первой мировой войной. Но их необходимо правильно оценить. Так, у крестьян в годы реформы Столыпина действительно стало на руках больше свободной наличности, за которую они могли приобрести больше промышленных товаров. Но благодаря чему появились эти свободные средства? Здесь нужно учесть, что с 1907 года прекратилось взимание с крестьян выкупных платежей, которые они должны были выплачивать после освобождения от крепостного права. Отмена выкупных платежей была провозглашена в указе Николая II от 3 ноября 1905 года под воздействием аграрных беспорядков. То есть она была завоёвана русскими крестьянами в ходе революции. Столыпин к этой благой мере не имел никакого отношения.

Для оценки действительной роли Столыпина в укреплении российской государственности было бы достаточно того, что тут сказано о революционизировании русской деревни в ходе аграрной реформы. Но поскольку имидж Столыпина как успешного борца с революцией довольно стоек, необходимо уделить этому вопросу особое место.

Вряд ли деятельность Столыпина по умиротворению страны может быть признана достаточно эффективной даже на фоне его современников и коллег. Предшественник Столыпина на посту министра внутренних дел Пётр Николаевич Дурново, занимавший эту должность с октября 1905 по апрель 1906 гг., справился с самым пиком революционного движения, не прибегая к такой крайней мере, как введение военно-полевых судов. Это несмотря на то, что именно на время пребывания П.Н. Дурново во главе МВД пришлось почти все вооружённые восстания революции 1905-1907 гг. (включая Московское), а на период руководства ведомством Столыпина – только одно восстание моряков базы Балтийского ВМФ в Свеаборге (Финляндия) в июле 1906 г. Когда Столыпин возглавил МВД, а затем правительство, революция уже шла на спад. Поэтому введение военно-полевых судов справедливо расценивалось в обществе не как акт государственного разума и порядка, а как банальная месть властей за революцию, в том числе по личным мотивам (12 августа 1906 г. взрывом на даче Столыпина была ранена его дочь, ответом на что и стал указ о военно-полевых судах).

Охота на Столыпина, развёрнутая партией эсеров, в сущности, ничем принципиально не отличалась от такой же охоты на предшественников Столыпина на высоких постах. Она не доказывает, что революционеры усматривали в успехе реформы Столыпина крах надежд на революцию. Иначе необходимо считать, что фигур того же масштаба революционеры видели в министре народного просвещения Н.П. Боголепове, министрах внутренних дел Д.С. Сипягине и В.К. Плеве, московском генерал-губернаторе великом князе Сергее Александровиче. Ибо все они, как Столыпин, ещё раньше погибли на своих постах, исполняя свой долг. Если на этом основании делать Столыпина одним из кумиров государства Российского, то было бы несправедливо отказывать в такой же чести и вышеупомянутым лицам.

О конечном поражении Столыпина в борьбе против терроризма свидетельствует не то, что его убили, а то, как это сделали. Столыпин был застрелен многолетним кадровым агентом охранного отделения (!), получившим именное (!) приглашение в театр на спектакль в присутствии коронованных особ и главы правительства!

Не приходится спорить с тем, что Столыпин во всех своих делах стремился руководствоваться благом России (как он его понимал), был горячим патриотом, лично честным и храбрым человеком. Но достаточные ли это основания для его государственного культа? Все эти качества и в начале XX века отличали вовсе не одного лишь Столыпина. Возводить его деятельность до уровня подвигов лучших русских людей в 1612 и 1812 гг. представляется решительно невозможным и даже кощунственным по отношению к этим подвигам. Тем более, что большинством русского народа в то время – подавляющей массой русского крестьянства – эта деятельность, как мы видели, отторгалась.

Нет ничего плохого в частных мероприятиях, посвящённых памяти Столыпина, – у каждого может быть свой кумир. Но идеализировать фигуру Столыпина на государственном уровне чревато всеми теми последствиями, которыми чреват любой противоречащий фактам исторический миф, когда он становится идеологической опорой власти. Советский строй был дискредитирован, когда вскрылась долго скрывавшаяся им правда о неудобных фактах его истории. Неужели его печальный финал ничему не научил его преемников?

Вот и спрашивается: кому нужен миф о «великом Столыпине»? Впору заподозрить в этом каких-нибудь «лукавых политехнологов», исподволь толкающих нынешнюю российскую власть на путь, аналогичный тому, который в своё время привёл к крушению власть КПСС. Но, скорее всего, дело обстоит гораздо проще. Оно заключается в сознательной избирательности исторического знания о предреволюционной России у апологетов того периода. Они видят в нём только фасадную сторону кратковременного относительного процветания, предпочитая забывать о том, что этот бурный расцвет некоторых за счёт многих закономерно привёл к страшному социальному взрыву 1917 года.

Ярослав Бутаков

<http://butakow.livejournal.com/259685.html>

От редакции

Фигура Столыпина была раздута новоявленными либерал-демократами ещё со времен перестройки не потому, что его реформа была «успешной». Реформа провалилась по всем пунктам. Главное - замысел. Столыпин был альтернативой советской аграрной политике, как бы предшественником либеральных реформ Горбачева и Чубайса. Он разрушал сельскую общину - так же, как агент запада А.Н.Яковлев мечтал разрушить колхоз.

Реформа была проведена полностью и исключительно в интересах сословия помещиков. Помимо сохранения своей частной собственности, в ходе реформы помещики получали ещё и работающие крестьянские руки по бросовым ценам.

Недовольным и бедным крестьянам предлагалось отправиться за счастьем на земли Сибири и Средней Азии. Это давало небольшую страховку помещикам от погромов. На свободные земли переселились около 3-х миллионов крестьян (из них вернулось назад более полумиллиона).

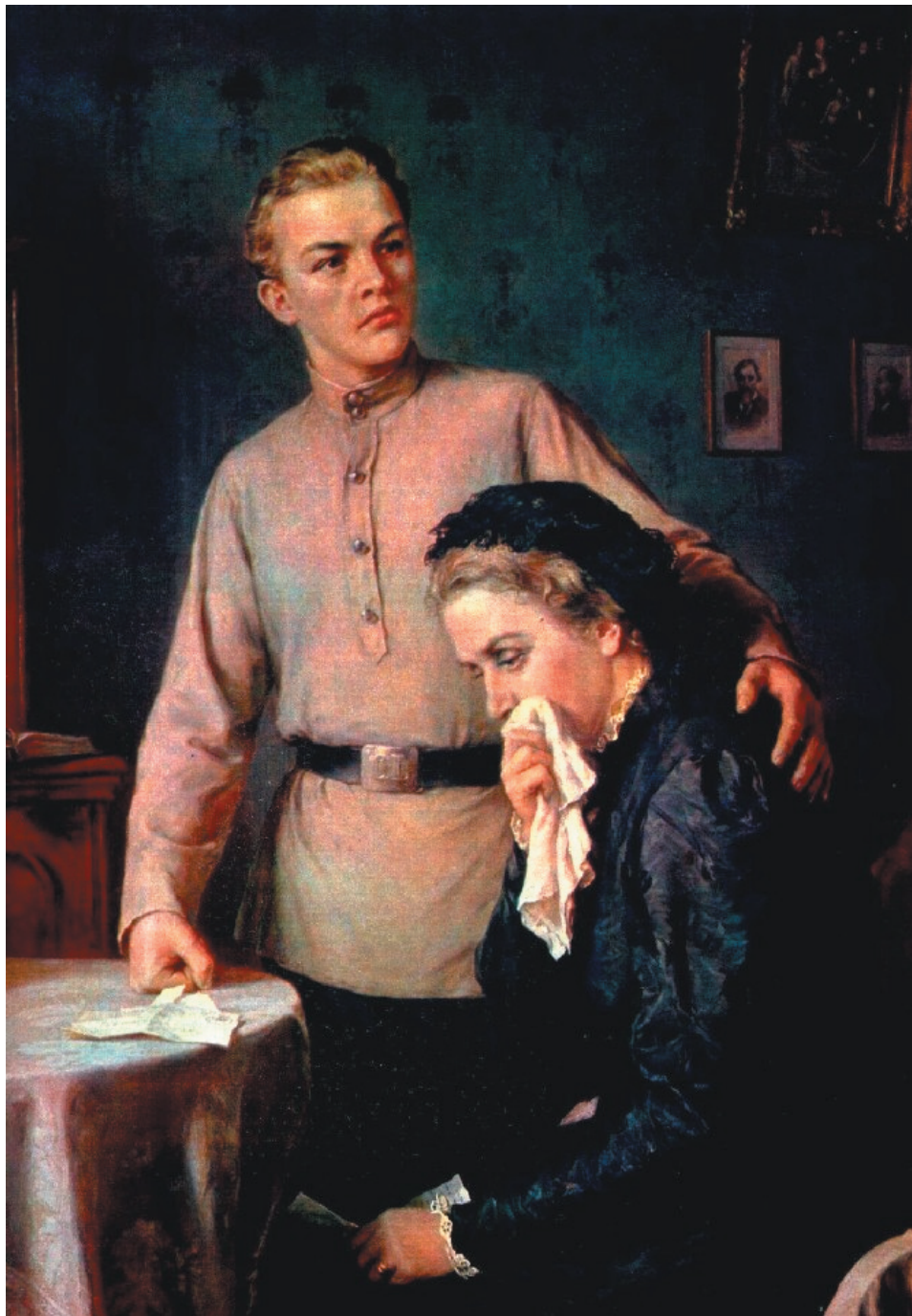
Реформа имела разрушительный смысл. Она разобщала, отчуждала крестьян, лишала народ самоорганизации и русской общинной традиции. По реформе Столыпина крестьянину, вышедшему из общины, отрезали от общинной земли участки – отруба. На отруба переносились жилые постройки, возникли хутор. Хуторяне жили обособленно друг от друга, разобщались. В общине существовали помочи: работа всем миром для помощи нуждающимся. Помогали, например, погорельцам, вдовам. Взаимопомощь ушла в прошлое.

В общине существовала чересполосица: каждая семья имела не один участок земли, а несколько. Например, один был в низине, другой – на возвышенности. Это спасало от голода, позволяло в засушливый год получать урожай хоть с одного из участков, было своеобразной страховкой от недорода и голода. Реформа и появление отрубов лишало крестьян такой защиты.

Неудивительно, что уже на втором году «столыпинской реформы» страну постиг общероссийский голод, во время которого голодали свыше 20 губерний, а в 1911—1912 годах на Россию буквально обрушился следующий, ещё более сильный голод, охвативший уже 60 губерний. Тогда на грани голодной смерти находились 30 миллионов человек. Об этих, как, впрочем, и многих других подобных фактах так не любят вспоминать господа Михалков и Сванидзе. Но именно эти факты — приговор русской истории «реформатору»-вешателю.

Ленин: патриот или изменник?

22 апреля 1870 г. в Симбирске родился теоретик и организатор русской пролетарско-крестьянской революции

Будем объективны!

Подобно языческим богам для новообращённых христиан, низвергнутые кумиры становятся демонами для отрешившихся от них поклонников. При этом они полностью сохраняют свою магическую силу, лишь меняя знак «плюс» на «минус». Точно также большинство нынешних антикоммунистов и антисоветчиков относится сейчас к Ленину – на уровне язычников, только вчера обращённых в христианство.

Конечно, значительная часть современных измышлений про Ленина должна быть отнесена на долю сознательной пропаганды. Ведь по эмоциям обывателей сильно бьёт представление, будто Ленин был психом, сифилитиком, патологическим садистом, платным германским агентом и т.п. Все такие «исторические изыскания» в избытке льются из бульварных газет и с экранов ТВ. Их главная цель – заставить российского обывателя окончательно свыкнуться с мыслью о незыблемости современного олигархического строя и о том, что любое движение за социальную справедливость изначально порочно: «Вы, что же, Ленина хотите?!»

Конечно, нам трудно быть полностью беспристрастными в отношении вождя большевиков – как-никак, это часть нашей собственной истории. В этом отношении западным историкам и политологам легче, чем нам: мы-то, в отличие от них, познали на себе не только позитив Октября, но и его негатив.

Но пора бы и нам непредвзято посмотреть на эту знаковую фигуру нашего прошлого: всё-таки с момента его смерти прошло уже 86 лет. Срок немалый. Ровно столько же, сколько, например, прошло между взятием Бастилии и окончательной канонизацией Великой Французской революции в государственных символах Третьей Республики.

Бессудные расправы, оправдываемые «революционной необходимостью», унесли за три года гражданской войны больше жертв, чем все кампании репрессий вместе взятые за три десятилетия «сталинского режима». А в высказываниях Ленина нередко находят не только оправдание этим расправам, но и установки, поощрявшие их проведение. Однако говоря только об этом, мы рискуем отойти от принципов историзма. Поступки большевиков нельзя рассматривать без сопоставления с деяниями радикальных групп в других великих революциях. Иначе у нас получится неполная, искажённая картина.

Говоря о красном терроре, не будем забывать, что революция в Англии также стоила сотен тысяч жизней и миллионов изгнанных за религиозные убеждения; что она также сопровождалась массовым раскрестыниванием. Что Великая французская революция в период Большого террора отправила на гильотину миллионы людей за короткий промежуток времени. Обе эти революции сопровождалась жестокими гонениями на традиционную веру и её служителей. Наконец, противная сторона в российской гражданской войне тоже не страдала избытком сентиментальности. Пытаясь установить персональную ответственность Ленина за жестокое убийство семьи последнего российского императора, не будем забывать, что поголовное истребление царствующей фамилии предлагал в качестве «гарантии» против реставрации монархии ещё за сто лет до большевиков декабрист Рылеев.

Проще простого приписать все жестокости революции злой воле отдельных личностей, конкретно – большевиков во главе с Лениным. Понятно, что многие сочувствуют такому взгляду: дескать, не русский народ был жесток, это злыдни-большевики его подстрекали. Этакая форма коллективного национального самооправдания: Ленин и большевики во всём виноваты вплоть до сего дня! С таким же «основанием» все неурядицы современной российской жизни можно списывать на последствия монголо-татарского ига.

Но, положив руку на сердце, зададимся вопросом, какова персональная ответственность Владимира Ильича за революционные эксцессы? Поощрял он их или, наоборот, сдерживал? Какие из них следует отнести на его долю, а какие – на объективные законы классовой борьбы? Сам я не берусь однозначно судить. Но понятно, что данных вопросов не существует для людей, которые эти законы начисто отрицают. Что же, это их право. Отмечу в связи с этим лишь вот что.

Представление о том, будто Ленин «сделал» Октябрьскую революцию, годится лишь для младенцев. Это всё равно, если считать, что железную дорогу Петербург – Москва построил тоже только один человек: «Граф Пётр Андреевич Клейнмихель, душенька!»

И нужно быть заражённым русофобией в очень высокой степени, чтобы полагать, что русский народ слепо и бездумно пошёл за ленинскими лозунгами.

Верить в это, значит считать, будто русский народ – это безмозглое бессловесное быдло,

не осознающее собственных интересов и не умеющее их самостоятельно выражать.

Утверждают, что Ленин заключил «похабный» (его же выражение) Брестский мир с Германией лишь для того, чтобы развязать гражданскую войну. Однако как с этим согласуется тот факт, что именно в это время, в апреле 1918 года, Ленин писал брошюру «Очередные задачи советской власти», где излагал программу мирного строительства социалистической экономики? Причём эта программа в своих главных чертах предвосхищала НЭП. А ещё раньше, в сентябре 1917 года, в брошюре «Грядущая катастрофа и как с ней бороться», Ленин предлагал меры государственного капитализма, выполнение которых Временным правительством могло бы дать последнему ресурс для удержания власти и продолжение войны – это к вопросу о «пораженчестве» Ленина, который мы рассмотрим подробно. Предлагая эти меры, Ленин подчёркивал, что в них нет ничего социалистического. Он ссылался на опыт французских якобинцев в 1793 году и... кайзеровской Германии в годы Первой мировой войны.

Что же, Ленин был прагматиком-реформатором? Во всяком случае, это качество было ему не чуждо, совсем его отрицать нелепо, и историки обязаны найти ему подобное место в политическом портрете Ильича. Равно как и должным образом оценить тот факт, что советская власть в свои первые пять лет, несмотря на обстановку гражданской войны и разрухи, государственное сделала для развития в России народного образования, науки и охраны природной среды больше, чем прежний режим за два десятилетия, предшествовавших революции.

Чем спекулировать на темах умственного помешательства или национального предательства вождя большевиков (хотя это нынче прибыльно и респектабельно), куда важнее понять, почему именно такой человек оказался во главе русской революции? И почему он долгое время, вплоть до наших дней, служил и служит для миллионов людей на земном шаре символом борьбы против угнетения?

Был ли Ленин изменником Отечеству?

Это обвинение приходится слышать очень часто. На вопрос: был ли Ленин изменником вообще? – ответ очевиден: своим идеалам вождь большевиков не изменял никогда. А среди этих идеалов понятие патриотизма если и существовало, то в весьма специфическом виде.

Трижды Ленин обвинялся в совершении государственного преступления. Первый раз (в 1897 г.) за него он подвергнулся ссылке в Сибирь на три года. В двух других случаях он не стал дожидаться ареста и ушёл в подполье. Вряд ли его можно за это упрекнуть в малодушии, хотя упреки такого рода были и тогда, встречаются и ныне. Но для любого здравомыслящего политика – безумие отдаваться на суд врагов, которые стремятся лишь свести счёты, расправиться.

Причём если для царского суда в 1906-1907 гг. Ленин был бы всего лишь одним из многих революционеров, причём не самым опасным, то для Временного правительства летом 1917 года он был уже врагом №1. Совершенно справедливо указывали тогда многие его товарищи по партии, что никаких гарантий доставки Ленина живого на суд правительство дать не пожелает. Если же взглянуть на это со стороны, то какое моральное право люди, насильем воцарившиеся у власти, имели судить тех, кто тоже с помощью насилия хотел занять их место? Поправление права и закона начал Февраль 1917-го (а то и вовсе – разгон Государственной Думы 3 июня 1907 года). Так почему же пришедшие тогда к власти люди считали, что никто не может свергнуть и их тоже? Роковое самозаблуждение.

Юридический факт: ни один российский суд в XX веке не вынес Ленину обвинительного приговора. А никто, кроме суда, не может установить виновность человека – такова аксиома правового государства.

Измена Родине – понятие скорее моральное, чем правовое. Хотя в советское время этот термин был введён в законодательство, но там он фактически стал синонимом прежнего государственного преступления. Обвинения в предательстве Отечества, десятилетиями возводимые на вождя большевиков, основываются не на тех деяниях, которые инкриминировали ему органы юстиции Российского государства, а на идеях, пропагандировавшихся Лениным в годы Первой мировой войны.

Совершенно отрицать, что большевики пользовались финансовой помощью из-за рубежа (пишут ещё и об американских субсидиях Троцкому), не приходится. Но в этом отношении большевики были в России далеко не исключением!

Допустим, что большевики получили по разным каналам из-за рубежа несколько десятков, пусть даже сотню миллионов германских марок. Сравним это со средствами, которыми обладали их противники. В распоряжении Временного правительства был бюджет Российского государства. За восемь месяцев существования этого правительства он благодаря одним лишь иностранным займам увеличился минимум на 1,8 млрд. рублей, что составляло 4 млрд. немецких марок (в пересчёте по золотому эквиваленту). Так что Временное правительство также вовсе поддерживалось из-за рубежа. Причём размеры этой финансовой помощи превосходят ту, которую могли иметь большевики, в десятки, а то и в сотни раз!

Что мешало правительству бросить часть этих средств на развертывание контрпропаганды большевикам? Правильно, ничего не мешало. Более того, они и использовались по назначению. А низкая эффективность этого использования доказывает лишь одно: в 1917 году в России были, очевидно, и другие причины, кроме немецких субсидий большевикам, для массового выражения недовольства политикой Временного правительства!

Нет никаких оснований шельмовать большевиков, противопоставляя их методы тем, которые применялись их политическими конкурентами. Задолго до Октября 1917 года моральные рамки дозволенного в российской политике стали весьма распылячатыми. И это – «заслуга» не только и не столько большевиков. Что касается того же вопроса субсидий от враждебного государства: в 1904-05 гг., во время Русско-японской войны, российские либералы, отнюдь не мучаясь угрызениями «патриотической совести», развертывали свою пропаганду против монархии в журнале «Освобождение», издаваемом за границей на деньги из японских источников!

Вопрос об «измене» Ленина с его лозунгами «поражения своего Отечества» и «перерастания империалистической войны в гражданскую» выходит за формально-юридические рамки. Понятно, что масштаб «кайзеровского агента» как-то, мягко говоря, мелковат для крупнейшего политического деятеля всего мира начала XX столетия, с каким бы знаком, «плюс» или «минус», не оценивая его деяния.

При этом не следует забывать, кто кого в итоге «оставил в дураках». Кайзеровский режим продержался всего лишь год после Октябрьской революции в России, будучи ею же подточен на корню. Так что если Второй германский рейх действительно финансировал большевиков, то себе же на погибель. Основанное же Лениным государство просуществовало как-никак больше семи десятилетий.

Нельзя также не признать, что осенью 1914 года, когда социал-демократия всех воюющих стран, включая Россию, дружно встала в ряды патриотов своих Отееств, нужно было иметь немалое мужество, чтобы выдвинуть лозунг, квалифицируемый любым режимом как государственная измена. Сторонники демонизации Ленина уверяют, что он уже тогда запланировал гражданскую войну и делал сознательную установку на уничтожение России.

Но о какой «установке» могла идти речь в 1914 году, когда Ленин представлял собой лидера маленькой подпольной группы внутри российской социал-демократии? При этом он мог влиять на работу этой группы в России лишь со стороны, из эмиграции, при очень неустойчивой организационной связи. Достаточно сказать, что довести свои лозунги до товарищей в России Ленин впервые смог только зимой 1914/15 г., когда всего несколько номеров «Социал-демократа» были нелегально переправлены через границу.

Вплоть до 1917 года Ленин со своей радикальной позицией оставался маргиналом даже среди европейских социал-демократов интернационалистов (так называемых циммервальдистов по имени деревни в Швейцарии, где они в 1915 году провели свой съезд). Те не принимали лозунга «обороны Отечества», но страшились призыва «превратить войну империалистическую в войну гражданскую». До весны 1917 года Ленин практически никак не влиял на политическую ситуацию в России. Возможность для широкой пропаганды «пораженчества» открыла ему Февральская революция, при совершении которой большевики были статистами. Та революция была делом буржуазии, своими актами саботажа спровоцировавшей беспорядки в Петрограде, и высшего генералитета, использованного в решающий момент той же буржуазией для принуждения царя к отречению. Гучков сделал больше, чем Ленин, для свержения самодержавия.

До октября 1917 года все российские режимы как будто нарочно расчищали дорогу большевикам. В последние месяцы монархии Николай II постоянно сменял министров, пытаясь подобрать кабинет (как считал монархический историк С.С. Ольденбург) по принципу

Ленин: патриот или изменник?

личной преданности. И всё равно не преуспел: те, на чью лояльность царь рассчитывал больше всего – высший генералитет – предали в самый решающий момент. У самодержавия просто не оказалось людей, чтобы защитить его.

Временное правительство, пришедшее на смену «старому режиму», само рубило сук, на котором сидело. Своей нелепой «демократизацией» армии оно открыло дорогу разложению армии и большевизской пропаганде в ней. Распустив полицию, правительство лишило себя важного инструмента своей защиты. Наконец, затягивая с решением коренных вопросов о земле и мирных переговорах «до Учредительного собрания», оно довело народные массы до иступления, чем и проторило большевикам путь на политический Олимп. Недаром кто-то где-то писал, что большевики не захватывали власть; власть валялась на дороге, большевики лишь не поленились за ней нагнуться.

Гений политического прогноза

В том, что лозунги Ленина оказались в итоге воплощены в политическую практику, результат исключительного по своей глубине предвидения. Политический лидер добивается успеха, когда ему удаётся не просто позиционировать себя как выразителя интересов самых активных социальных слоёв, но и уловить основные тенденции происходящего и использовать их так, что со стороны это действительно может казаться «управлением политическим процессом».

В этой связи особенную жалость, смешанную с горечью, вызывают многие современные политические и экономические эксперты. Они пытаются давать прогнозы, которые спустя два-три месяца самым безжалостным образом опровергаются реальной жизнью. И тогда они ничтоже сумняшеся выдают публике очередной «научно обоснованный прогноз» – авось на этот раз будет угадано. И не угадывают.

Ленин дал в главных чертах совершенно точный прогноз глобальных и российских политических тенденций на пять-семь лет вперёд, причём в уникальной обстановке мировой войны.

Кто из нынешнего «политологического экспертного сообщества» в наше мирное время может похвастаться хотя бы близким достижением?! Быть может, всё дело в том, что современные политологи, причём без достаточных на то оснований, напрочь отбросили марксистскую методологию познания общественных процессов, которой руководствовался Ленин?

Вождь большевиков дал правильный прогноз и сумел адекватно выразить интересы тех общественных групп, которые в ожидаемой ситуации обладали бы наибольшей социально-политической активностью. Он показал первостепенную важность для политика, особенно в условиях динамичного индустриального и глобализирующегося социума, верного долгосрочного предвидения и ставки на перспективный общественный класс. При этом до Февраля 1917 года Ленин был «всего лишь» политическим аналитиком, теоретиком, овладевавшим методикой политического предвидения и стратегического планирования для массовой политической партии, каковой большевики, однако, в ту пору ещё не были. Условия для создания такой партии в России появились только после Февральской революции, которую, ещё раз повторю, не большевики совершили.

Прогноз Ленина основывался на очевидной для него неспособности тогдашней российской элиты привести Россию к победе в войне, не допустив революции. В этом его прогноз полностью совпал с прогнозом... консервативного представителя царской бюрократии П.Н. Дурново. Последний ещё в феврале 1914 года в памятной записке царю изложил наиболее вероятный сценарий развития политической ситуации в России в случае войны с Германией. По Дурново выходило, что в этом случае революция в России неизбежна, причём в ходе неё российская буржуазия, свергнув монархию, также окажется не в состоянии удержать власть. Вывод, который делал Дурново на основании своего пророчества, был абсолютно логичен: в целях самосохранения того класса, к которому Дурново с Николаем II принадлежали, России любой ценой нужно избежать участия в войне!

Виноват ли Ленин в том, что большинство прочих российских политиков вовремя не разглядели надвигающийся на них асфальтовый каток? А разглядев, попытались остановить его и оказались им раздавлены? В отличие от них, Ленин рассудил, что лучше оказаться за рулём такого катка, чем впереди него. В восточной философии есть выражение для аналогичного действия – «оседлать тигра». В этом, а отнюдь не в немецких деньгах, содержался «золотой ключ» к победе большевиков.

Кстати, что касается канала финансирования партии большевиков со стороны государственных органов кайзеровской Германии, то до сих пор не доказано, что Ленин достоверно знал о его наличии. И во всяком случае никто не сумел подтвердить факта говора Ленина с кайзеровским правительством, скреплённого обещанием (письменным или устным) вождя большевиков выполнить, после своего прихода к власти, определённые требования Германии в уплату за «спонсорство» революции.

Но даже если такой канал финансирования существовал, не является ли это ещё одним доказательством политической дальновидности Ленина? Ведь после ноября 1918 года любые обязательства перед кайзеровским правительством аннулировались за отсутствием такового!

А Ленин ещё в 1915 году предвидел поражение именно блока Центральных держав, указывая на те экономические трудности, которые они переживали уже в то время.

При этом у Ленина имелись разные возможности выбора источников финансирования.

Вождь большевиков в каком-то смысле выручил счастливый случай. Советский историк-спецслужбист Н.Н. Яковлев в своей книге «1 августа 1914» приводит такой эпизод:

«Схватки различных спецслужб в нейтральной Швейцарии в годы Первой мировой войны – явление заурядное... Политэмигранты пользовались повышенным вниманием разведок,... а изгнанники стремились использовать это в своих целях. По личным склонностям и вкусам разведчик А. Даллес (основоположник и директор ЦРУ в 1953-1961 гг.) в беседах с подрастающей порослью рыцарей плаща и кинжала любил возвращаться к временам той войны, когда он по собственному признанию совершил жуткий промах. Его, резидента американской разведки в Швейцарии, одолевали политэмигранты из различных стран.

Даллес, естественно, устал от странных, часто дурно одетых и голодных посетителей, развивавших по большей части безумные планы и почти всегда венчавших свои рассуждения просьбой дать денег. Среди прочих приёма у Даллеса на исходе 1916 года добивался, и очень настойчиво, некий русский. Как-то он снова вошёл в приёмную Даллеса. Слегка приоткрыв дверь, американец увидел в щель крепкого лысого человека с рыжеватой бородкой, нетерпеливо мерившего шагами комнату. Даллес поёжился: снова разговор о деньгах, скучно. А молодость брала своё, наставительно заканчивал рассказ Даллес в 50-е, «меня ждала партия в теннис с прекрасной дамой». Он решительно предпочёл её обществу общению с плешивым русским, прикрыл дверь и отправился на корт, навсегда утратив возможность лично познакомиться с Лениным. Мораль, подчёркивал Даллес, никогда не отказывать в таких обстоятельствах никому в приёме».

Что случилось бы, если б Ленин оказался на финансовом крючке не у издыхавшего кайзеровского режима, а у Соединённых Штатов Америки, можно попробовать представить на примере Троцкого. Тот до конца жизни отработывал деньги, данные ему чикагскими банкирами, а окончательным венцом всему стал для него удар ледорубом по затылку...

«Похабный мир»: выслушивание перед «спонсором» или жестокая необходимость?

«Мы – оборонцы теперь, с 25 октября 1917 г., мы – за защиту Отечества с этого дня», – писал Ленин. Но заявил он это не сразу после прихода к власти, а лишь 25 февраля 1918 года в статье «Тяжёлый, но необходимый урок», опубликованной в «Правде». Четырьмя днями раньше, 21 февраля 1918 г., Совет народных комиссаров издал сочинённый Лениным декрет «Социалистическое Отечество в опасности!».

Полемика между теми, кто считает подписание «похабного» (выражение самого Ленина) Брестского мирного договора вынужденным для России, и теми, кто полагает, что заключение этого договора стало исполнением со стороны Ленина его обязательств перед кайзеровским правительством, вряд ли скоро затихнет. Но за объективной оценкой тогдашней боеспособности России давайте обратимся не к Ленину, а к его политическим оппонентам.

Так, последний военный министр Временного правительства генерал А.И. Верховский в заседании комиссии предпарламента по обороне 20 октября 1917 г. поставил вопрос о необходимости побудить западных союзников России скорее обсудить мирные условия, которые могут быть выдвинуты Германией и её союзникам. Мотивировалось это крайним ослаблением боеспособности Русской армии. Предложение Верховского натолкнулось на общее неприятие и стало причиной отставки министра. До ленинского «Декрета о мире» оставалось всего шесть дней...

Ещё раньше, 17 октября 1917 г. министр-председатель А.Ф. Керенский дал последнее на этом посту интервью. В печати оно появилось в искажённом виде, так как, по свидетельству летописца русской революции американского журналиста и писателя Джона Рида, личный секретарь Керенского Давид Соскис внёс изменения, которых потребовало агентство Ассошиэйтед Пресс. «Из интервью были выкинуты все неприятные для союзников выражения и в таком виде оно было сообщено всему миру». Буквально же Керенский в ответ на вопрос «Чем Вы объясняете то, что русские перестали сражаться?» ответил: «Глупый вопрос! Россия вступила в войну прежде всех прочих союзников и долгое время несла на себе всю её тяжесть. Её потери гораздо больше, чем потери всех прочих народов вместе. Теперь Россия имеет право требовать от союзников, чтобы они пустили в дело все свои силы... Развал армии создан не революцией, развал совершился гораздо раньше, ещё при старом режиме. Почему русские перестали сражаться? Я вам скажу, почему. Потому что народ разорён экономически и изверился в союзниках!»

Конечно, говоря о том, что развал армии произошёл ещё при «старом режиме», Керенский кривил душой. Развал был создан в первую очередь Февральской революцией. Именно она открыла шлюзы для беспрепятственной пропаганды поражения в армии. Но характерно, что Керенский не обвинял в разложении армии своих оппонентов – большевиков. Видимо, никаких оснований для этого у него попросту не было.

Русский эмигрантский историк генерал Н.Н. Головин в своей фундаментальной работе «Военные усилия России в мировой войне» (Париж, 1939; М., 2001) приводит подборку фактов, красноречиво свидетельствующих о постепенном разложении Русской армии в период с марта по октябрь 1917 года, а также о катастрофической нехватке снабжения.

Ещё 18 марта 1917 г. совещание Ставки ВГК в Могилёве констатировало: «Запасов в стране для полного продовольствия армии недостаточно. Мы не только не можем образовать на фронтах запасов, но не будем получать ежесуточную потребность. Надо: или уменьшить в районе армии число ртов и лошадей или уменьшить дачу. Последнее опасно, а потому надо уменьшить число едоков... Вследствие недостатка угля, металла, расстройство транспорта и переживаемых событий производство снарядов (крупных калибров), патронов, ружей и орудий значительно понизится... Укомплектование людьми в ближайшие месяцы подавать на фронт в потребном числе нельзя, ибо во всех запасных частях происходит брожение... Железнодорожный транспорт находится в значительном расстройстве... Балтийский флот потерял боеспособность и нет никакой надежды на скорое приведение его в порядок... Армия переживает болезнь. Наложить отношения между офицерами и солдатами удастся, вероятно, лишь через 2-3 месяца. Пока же замечается упадок духа среди офицерского состава, брожение в войсках, значительное дезертирство. Боеспособность армии понижена, и рассчитывать на то, что в данное время армия пойдёт вперёд, очень трудно». Отметим, что Ленин в это время ещё не вернулся в Россию.

В последней, перед сменой старого верховного командования на советское, полумесячной сводке донесений военно-политического отдела Ставки о настроениях в армии, датированной 30 октября 1917 г., отмечалось: «Общее настроение армий продолжает быть напряжённым, нервно-выжидательным... Главными мотивами, определяющими настроение солдатских масс, по-прежнему являются неудержимая жажда мира, стихийное стремление в тыл, желание поскорее прийти к какой-нибудь развязке. Кроме того, недостаток обмундирования и продовольствия, отсутствие каких-либо занятий, ввиду ненужности и бесполезности их, по мнению солдат, накануне мира, угнетающе действуют на настроение».

Конечно, всех этих и многих других фактов явно недостаточно, чтобы поколебать стойкий предрассудок, что Брестский мир был не вынужденным шагом, на который пришлось бы пойти любому российскому правительству в такой обстановке, а исключительно результатом злодейского и предательского умысла Ленина...

«Преступление, с точки зрения защиты Отечества, – принимать военную схватку с бесконечно более сильным и готовым неприятелем, когда заведомо не имеешь армии...», – писал Ленин в упомянутой статье в «Правде». – Доведённая трёхлетней войной до неслыханной разрухи крестьянская страна, начавшая социалистическую революцию, должна уклониться от военной схватки – пока можно, хотя бы ценой тяжчайших жертв, от неё уклониться – именно для того, чтобы иметь возможность сделать что-либо серьёзное к тому моменту, когда вспыхнет «последний решительный бой».

Давая согласие на грабительские условия мирного договора, ультимативно продиктованные Германией, Ленин не собирался прекращать борьбу против германской интервенции всеми доступными в такой ситуации средствами.

Так, например, 14 марта 1918 года, когда в Москве собрался IV Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов, которому предстояло ратифицировать Брестский договор, Ленин направил указание чрезвычайному комиссару Украины Г.К. Орджоникидзе с изложением программы действий: «Немедленная эвакуация хлеба и металлов на восток, организация подрывных групп, создание единого фронта обороны от Крыма до Великороссии с вовлечением в дело крестьян, решительная и безоговорочная перелицовка имеющихся на Украине наших частей на украинский лад».

Последнее означало, что части Красной Армии, оказывающие сопротивление на Украине кайзеровским войскам, должны выглядеть так, как если бы это были части украинской армии, не имеющие отношения к Российской советской республике. Распоряжение касалось девяти советских соединений, в целях дезинформации противника называвшихся «армиями» (в реальности численность каждой была не больше полка). С 1 марта по 15 апреля 1918 г. на Украину из Советской России было отправлено 112 тыс. винтовок, 378 пулемётов, 150 миномётов и бомбомётов. В Москве был образован Центральный военно-революционный

Ленин: патриот или изменник?

комитет Украины, координировавший деятельность партизанско-повстанческих групп на оккупированной немцами территории, к осени перебравшийся ближе к театру военных действий – в Курск.

Большевики и не думали выполнять условия Брестского договора относительно роспуска Красной Армии и флота, а также замораживания контактов с политическими силами, действующими в ущерб другому участнику договора. Первыми на нарушение такого рода пошли немцы, поддержав донского атамана П.Н. Краснова. О том, что большевики не оставались в долгу, свидетельствует нота, переданная германским консулом в Москве наркому иностранных дел Г.В. Чичерину 5 ноября 1918 года, когда в Германии уже разворачивалась революция. В этой ноте советское правительство обвинялось в подстрекательстве подрывных элементов в Германии. В заключение заявлялось о разрыве Германией дипломатических отношений с РСФСР.

Комментируя эту ноту на VI Чрезвычайном Всероссийском съезде Советов 6 ноября 1918 г., Ленин отмечал: «В русском посольстве пользовались гостеприимством германские социалисты,... которые были против войны, которые сочувствовали Карлу Либкнехту. Они

с самого начала существования посольства были его гостями, и только с ними мы были в общении. Это германское правительство великолепно знало... И если теперь правительство делает этот жест, то не потому, чтобы что-нибудь изменилось, а потому, что оно раньше считало себя сильным и не боялось, чтобы из-за одного дома, зажжённого на улицах Берлина, загорелась вся Германия».

Можно принимать или отвергать ленинские цели, можно восторгаться или возмущаться его методами – всё это дело индивидуальных и партийных пристрастий. Но беспристрастный взгляд позволяет оценить, что вопрос о том, был ли Ленин изменником Отечеству, слишком сложен и неоднозначен для того, чтобы решаться в прокрустовом ложе юридических рамок и терминов.

Ленин – реформатор-прагматик?

Ныне нередко можно встретить утверждения, что заключая Брестский мир Ленин собирался таким образом высвободить советской власти руки для войны внутренней, гражданской. В доказательство этого утверждения приводят тот самый ленинский тезис о перерастании империалистической войны в гражданскую. При этом нечаянно или намеренно не замечая, что тот тезис представлял собой не установку, а прогноз. Большевикам незачем было стремиться специально разжигать гражданскую войну, если она, согласно взглядам их лидера, и так была неизбежна в той исторической обстановке.

Задачи мирного строительства социализма были для вождя большевиков важнее всякого провоцирования гражданской войны (каковая запросто могла закончиться политической смертью Ленина и большевизма). Об этом свидетельствует хотя бы то, что главной концептуальной работой Ленина в период между Брестским миром и чехословацким мятежом (с которого началась масштабная гражданская война) стала брошюра «Очередные задачи советской власти». Она была написана в апреле 1918 года и представляла собой общую программу поэтапного перехода к новому обществу.

Упор на постепенность, пафос мирного созидания и планомерного государственного строительства особенно характерны для этой ленинской работы.

«Мы, партия большевиков, Россию убедили. Мы Россию отвоевали – у богатых для бедных, у эксплуататоров для трудящихся. Мы должны теперь Россией управлять. И всё своеобразие переживаемого момента, вся трудность состоит в том, чтобы понять особенности перехода от главной задачи убеждения народа и военного подавления эксплуататоров к главной задаче управления». То есть, по мысли Ленина, период военного подавления врагов социализма остался тогда, в апреле 1918 года, уже позади! Однако спустя меньше двух месяцев Советская республика уже оказалась в огненном кольце фронтов...

По сути дела НЭП стал политикой, отложенной по объективным обстоятельствам гражданской войны на три года. Ибо в «Очередных задачах советской власти» Ленин описывает будущий социализм в главных чертах именно как «строй цивилизованных кооператоров» (это краткое определение он дал уже в годы НЭПа): «Социалистическое государство может возникнуть лишь как сеть производительно-потребительских коммун, добросовестно учитывающих своё производство и потребление, экономящих труд, повышающих неуклонно его производительность... Капитализм оставил нам в наследство массовые организации, способные обеспечить переход к массовому учёту и контролю распределения продуктов, – потребительные общества».

Ещё до прихода к власти, в сентябре 1917 года Ленин написал брошюру «Грозящая катастрофа и как с ней бороться». Предлагавшиеся им в ней меры по синдицированию предприятий, национализации монополий и банков, по существу, не шли дальше государственного капитализма, такого, какой почти с первых месяцев войны осуществлялся в Германии. Кстати, Ленин в брошюре неоднократно ссылался именно на германские законы военного времени. И если бы буржуазное Временное правительство ещё раньше взяло на вооружение предлагаемые Лениным меры, то у России был бы шанс мобилизовать экономику на эффективное обеспечение военных нужд – это ещё раз к вопросу о том, был ли Ленин «пораженцем».

Ленин сам подчёркивал, что ничего социалистического в его рекомендациях нету: «Можно подумать, что большевики предлагают нечто в истории человечества невиданное, никогда не испытанное, «утопичное», тогда как на самом деле уже 125 лет тому назад во Франции люди, действительно бывшие «революционными демократами», действительно убеждённые в справедливом, оборонительном характере войны с их стороны, действительно опиравшиеся на народные массы, искренне убеждённые в том же, – эти люди умели устанавливать революционный контроль над богачами».

Ленин излагал ряд мер принуждения со стороны государства по отношению к крупным собственникам, необходимых для избежания народнохозяйственной катастрофы. Совсем недавно мы снова были свидетелями чего-то подобного. Причём предлагал это отнюдь не коммунист и не социалист, а... лидер правых Австрии Йорг Хайдер. Вскоре после его слов о том, что для борьбы с финансовым кризисом нужно «арестовать с десяток крупнейших банкиров», его нашли мёртвым за рулём собственной разбитой автомашины... Ленину повезло больше.

Ярослав Бутаков

Николай Устрялов. Под знаком революции (главы из книги)

О верности себе

Познай самого себя!
Дельфийское изречение.

“Среди колчаковского офицерства, переполняющего Шанхай, нашлось очень и очень немного радующихся выступлению Японии. Даже эти офицеры, получившие возможность выехать за границу лишь при содействии Японии, с чувством глубокого негодования встретили вооруженное вторжение в Россию своей покровительницы”.
Газ[ета] “Шанхайская жизнь”, 20 апреля.

Можно ли говорить о непоследовательности, излишней “переменчивости” тех русских политических деятелей или тех офицеров, которые всецело и вполне поддерживали омское правительство, а теперь проповедуют “гражданский мир” и протестуют против иностранной интервенции?

Мне лично не раз приходилось слышать подобные упреки в чрезмерной впечатлительности и чуть ли даже не в перемене своих убеждений. В непристойной и демагогической форме они появлялись и в печати определенного направления. Считаю целесообразным поставить во всей полноте эту проблему, бесспорно представляющую собою ныне известное общественное значение. Ибо многие русские патриоты должны в настоящее время продумать ее до конца, чтобы ощущение ложного стыда, поверхностная боязнь осуждения со стороны некоторых из бывших спутников и соратников не помешали им принять правильное решение вопроса.

Должны ли бывшие “колчаковцы” теперь приветствовать военное выступление Японии в Приморье и по-прежнему исповедовать идеологию вооруженной борьбы с большевизмом до конца?

Я категорически утверждаю: нет, не должны. Не должны во имя того же самого национального и государственного принципа, который еще так недавно заставлял их вести с Японией переговоры о поддержке и бороться на фронте против красной армии.

Это может показаться парадоксальным, но тем не менее это так. Политика вообще не знает вечных истин. В ней по гераклитовски “все течет”, все зависит от наличной “обстановки”, “конъюнктуры”, “реального соотношения сил”. Лишь самая общая, верховная цель ее может претендовать на устойчивость и относительную неизменность.

Для патриота эта общая, верховная цель лучше всего формулируется старым римским изречением: “благо государства — высший закон”. Принцип государственного блага освящает собою все средства, которые избирает политическое искусство для его осуществления. Быть верным себе для патриота значит быть верным этому принципу, — и только. Что же касается путей конкретного проведения его в жизнь, то они всецело обусловлены окружающей изменчивой обстановкой.

Самый безнадежный и несносный в области политики тип, это — прутковский “рыцарь Гринвальдус”, который, ни на что окружающее не обращая никакого внимания, —

Все в той же позиции
На камне сидит.

II

История являет нам очень много примеров крутых и как будто внезапных переломов в политике различных государственных деятелей, и среди них — великих учителей человечества в сфере политической жизни. Однако, лишь очень поверхностный или очень недобросовестный взгляд мог бы усмотреть в этих переломах “измену принципам”.

В 1866 году, в разгар австро-прусской войны, после сражения у Садовой, Бисмарк из ожесточенного и давнишнего противника Австрии превращается вдруг в ее “искреннего” друга и ярого защитника. Прусские шовинисты, двор, военная партия изумлены и возмущены подобным “превращением” министра-президента и единодушно настаивают на продолжении войны с Австрией “до конца”. Бисмарк после невероятных усилий (и даже не без

помощи слез и рыданий!) склоняет короля на свою сторону, и прусские войска останавливаются неподалеку от беззащитной Вены. История показала, сколь дальновиден был крутой поворот в политике гениального канцлера.

В середине восьмидесятых годов многие англичане с удивлением созерцали, как Гладстон из убежденного противника ирландского гомруля становится столь же убежденным его сторонником. Такой поворот “на 180 градусов” произвел на широкие круги избирателей неблагоприятное впечатление и способствовал поражению Гладстона на следующих общих выборах. Даже многие члены либеральной партии с тревогой взирали на “неустойчивость” премьера, а министр внутренних дел Чемберлен вышел из его кабинета, тем самым подчеркнув и узаконив происшедший партийный раскол. Однако прошло не так много времени, и Англия убедилась, сколь мудр был знаменитый деятель, сумевший вовремя заметить опасность и, учтя ее, радикально переменить свою тактику. Еще и до сих пор английскому кабинету приходится распутывать ирландский узел, запутанный “твердой рукой” сменивших Гладстона консерваторов и “либералов-унионистов” чемберленовского толка.

Подобные примеры можно приводить до бесконечности. Наиболее близкий нам — феерическое превращение Ленина из “друга” Германии в ее “врага”, из антимилитариста в идейного вождя большой регулярной армии, из сторонника восьмичасового рабочего дня в насадителя десяти- и чуть ли не двенадцатичасового.

Что же, неужели все эти люди — изменники своим принципам? Ничуть. Они лишь умеют отличать принцип от способа его осуществления. Они — лучшие слуги своей идеи, чем те, кто близоруким и неуклюжим служением ей лишь губят ее, вместо того чтобы дать ей торжество. Они — не изменники, они только — не доктринеры. Они не ищут неизменного в том, что вечно изменчиво по своей природе. Они умеют учитывать “обстановку”.

И возьмем другой пример. Французские эмигранты, наиболее “последовательные” противники великой революции, кончили тем, что вместе с иностранцами боролись против своей родины до тех пор, пока она не была окончательно разбита и унижена. Они — во имя родины! — радовались каждому поражению французской армии и огорчались при каждой ее победе. Они, наконец, радикально “победили” под Ватерлоо и торжественно вернулись восвояси под охраной английских солдат и русских казаков. — Сказала ли им “спасибо” национальная история Франции?..

Впрочем, быть может, Франция нужна была этим господам лишь постольку, поскольку она воплощалась в их прекрасных поместьях феодальной эпохи и в солнечной роскоши двора Людовика XIV?..

III

Русская интеллигенция боролась против большевизма по многим основаниям. Но главным и центральным был в ее глазах мотив национальный. Широкие круги интеллигентской общественности стали врагами революции потому, что она разлагала армию, разрушала государство, унижала Отечество. Если бы не эти национальные мотивы, организованная вооруженная борьба против большевизма с самого начала была бы беспочвенна, а вернее, ее бы и вовсе не было.

Правда, нельзя отрицать, что идеология советов вызывает против себя ряд существенных возражений и в плоскости культурной, равно как экономической и политической. Но одни эти возражения никогда не создали бы того грандиозного вооруженного движения, которое в прошлом году ополчилось на красную Москву. Пафос этого движения был прежде всего национальный. Большевизм не без основания связывался в общественном сознании с позором Бреста, с военным развалом, с международным грехом — изменой России союзникам.

Такбыло. Нотеперьобстановкакрутоизменилась. Брестский договорразвезя по ветру германской революцией вместе с военной славой императорской Германии. “Союзники” сумели использовать к своей выгоде измену России еще более удачно, чем им бы довелось использовать ее верность — и мы во всяком случае вправе считать себя с ними по квитавшимися.

Но, главное, большевикам удалось фактически парировать основной национальный аргумент, против них выставившийся: они стали государственной и международной силой, благодаря несомненной заразительности своей идеологии, а также благодаря своей красной армии, созданной ими из мутного потока керенщины и октябрьской “весны”.

Два прошедших года явились огненным испытанием всех элементов современной России. Это испытание закончилось победой большевизма над всеми его соперниками.

Весною 1918 года была в корне сокрушена оппозиция слева в лице “анархизма”, одно время весьма модного в столицах и даже некоторых провинциях. Осенью того же года оказалась преодоленной “социал-соглашательская” линия, прерванная московской каноссою Вольского с одной стороны, и омским переворотом Колчака — с другой. Прошлое лето ушло на борьбу Москвы с Омском и Екатеринодаром. Результат этой борьбы налицо.

Как только пала колчаковско-деникинская комбинация, стало ясно, что внутри России нет уже более организованных, солидных элементов, могущих претендовать на свержение большевизма и реальное обладание властью в стране.

Отдельные вспышки случайных местных восстаний после рассеянных фронтов и сокрушенных правительств — лишь бесцельные судороги бессильного движения, и было бы верхом донкихотства возлагать на них мало-мальски серьезные надежды. Вместе с тем, стало столь же несомненно, что красное правительство, сумевшее ликвидировать чуть ли не миллионную армию своих врагов, есть сила, и вполне реальная, — особенно на фоне современных сумерек европейского мира.

В эту же минуту отпало национальное основание продолжения вооруженной войны с Советской властью. Жестокая судьба воочию обнаружила, что наполеоновский мундир, готовившийся для Колчака русскими национал-либералами, не подошел к несчастному адмиралу, как и костюм Вашингтона, примирявшийся для него же некоторыми русскими демократами.

Национальная сила оказалась сосредоточенной во враждебном стане... И русские патриоты очутились в затруднительном положении. Продолжать гражданскую войну (и то не во всероссийском масштабе) они ныне могут лишь соединившись с иностранными штыками, — точнее, послушно подчинившись им. Иначе говоря, им пришлось бы в таком случае усвоить себе психологию французских эмигрантов-роялистов: радоваться поражениям Родины и печалиться ее успехам.

Если это назвать патриотизмом, — то не будет ли подобный патриотизм, как в добрые старые времена, требовать кавычек?

И если такую тактику считать даже венцом “последовательности”, — то не лучше ли быть непоследовательным?

Что касается меня, то мне кажется, что переход от национальной ориентации Омска к эмигрантским настроениям в стиле Людовика XVIII — есть самая величайшая “непоследовательность” из всех возможных. И когда мне приходится читать теперь о боях большевиков с финляндцами, мечтающими “аннексировать” Петербург, или с поляками, готовыми утвердиться чуть ли не до Киева, или с румынами, проглотившими Бессарабию, не могу не признаться, что симпатии мои — не на стороне финляндцев, поляков или румын...

Лишь для очень поверхностного, либо для очень недобросовестного взора современная обстановка может представляться подобною прошлогодней. Не мы, а жизнь повернулась “на 180 градусов”. И для того, чтобы остаться верными себе, мы должны учесть этот поворот. Проповедь старой программы действий в существенно новых условиях часто бывает наихудшей формой измены своим принципам.

Прекрасно знаю, что большевизм богат недостатками, что многие возражения против него с точки зрения культурной (вульгарный материализм, “механизация” жизни), экономической (“немедленный” коммунизм) и политической (антиправовые методы управления) еще продолжают оставаться в силе. Но главное, решающее возражение — с точки зрения национальной — отпало. Следовательно, и преодоление всех тягостных последствий революции должно ныне выражаться не в бурных формах вооруженной борьбы, а в спокойной постепенности мирного преобразования, путем усвоения пережитых уроков и опытов. Помимо того, теперь уже нет выбора между двумя лагерями в России. Теперь нужно выбирать между Россией и чужеземцами. А раз вопрос ставится так, то на все жалобы об изъянах родной страны, соглашаясь признать наличность многих из этих изъянов, я все-таки отвечу словами поэта:

Да, и такой, моя Россия,
Ты всех краев дороже мне!

Красные в НСДАП (часть 1)

**“Мелкий буржуа Адольф Гитлер должен быть исключен из национал-социалистической партии!”
(Йозеф Геббельс на Конференции северных организаций НСДАП в Ганновере 24-25 января 1926 г.)**

Социалистическая составляющая присутствовала в идеологии НСДАП с самого ее основания. Можно сказать, что изначально это была партия с четко выраженными левыми, рабочими тенденциями. По крайней мере центральный партийный орган НСДАП (в то время это был еще «Мюнхенер беообахтер») писал 31 мая 1919 года относительно требования текущего момента, что «они укладываются в рамки требований других левых партий».

Особенно сильны социалистические тенденции среди нацистов были в начале 20-х годов XX века на Северо-Западе Германии, в Рурской области, в Гамбурге — важных промышленных центрах с многомиллионным рабочим классом, где образовалась фактически полусамостоятельная национал-социалистическая организация, центр которой находился в Гамбурге. О радикализме этой группы свидетельствует хотя бы такое высказывание ее лидера, гамбургского гауляйтера, Альберта Фолька: «Ввиду того что рабочие чувствуют себя носителями переворота ноября 1918 года, более того — рассматривают новый государственный строй как успех своих усилий, мы никогда не завоеваем их доверия, если будем приписывать нужду и унижения только революции». А ведь на Юге, в Баварии, на проклятых в адрес Ноябрьской революции строилась вся нацистская пропаганда.

Однако в качестве фракции, конкурирующей в борьбе за власть в НСДАП с мюнхенским руководством, левонацистское направление оформилось лишь в середине 20-х годов. Бесспорными и наиболее известными лидерами этого течения являлись братья Грегор и Отто Штрассеры. Интересно, что пришли они в НСДАП фактически, что называется, с «противоположных сторон баррикады» — Отто слева, а Грегор — справа.

Старший, Грегор (1892—1934), владелец аптеки в Ландсхуте (Бавария) и обер-лейтенант Первой мировой войны, сформировал в своем городе «фрайкор (добровольческий корпус) Ландсхут» — одно из многочисленных реакционных милитаристских формирований того времени, принял участие в «капповском путче» в Баварии. В феврале 1920 года (незадолго до путча) он влил свой «фрайкор» в СА, тем самым создавая первое формирование штурмовиков за пределами Мюнхена. Он же создает в Нижней Баварии партийную группу НСДАП и становится за это первым гауляйтером партии — ее руководителем в Нижней Баварии.

В это время младший брат, Отто (1896—1974), бывший лейтенант, а затем студент экономики в Берлине, вступает в СДПГ и становится сотрудником ее центрального органа, газеты «Форвертс», командиром трех «красных сотен» в рабочем пригороде Берлина Штеглиц, которыми он командует при подавлении все того же «капповского путча» в марте 1920 года. Вскоре, однако, он демонстративно выходит из партии в знак протеста против разоружения революционного рабочего класса и нарушения правительственного обещания о роспуске «фрайкоров».

Очень быстро Грегор Штрассер становится вторым, после Гитлера, человеком в нацистском движении, одним из самых популярных ораторов. В начале 1925 года Гитлер поручает ему создание парторганизаций на Севере и Западе Германии и наделяет полной свободой действий. Грегор Штрассер сразу же обращается за помощью к брату. Тот еще в конце 1923 года вступает в НСДАП (парт. билет № 25239) и становится его ближайшим помощником и главным пропагандистом его идей. В течение нескольких месяцев братья едва ли не с нуля повсеместно за пределами Баварии создают на Севере и Западе страны ячейки НСДАП, благодаря чему эпицентр влияния партии заметно переместился из крестьянской Баварии на индустриальный Северо-Запад.

Отто Штрассер сразу же занялся выработкой новой программы (взамен гитлеровских «25 пунктов») и превращением северных и западных организаций НСДАП в проводников своих идей. Пользуясь предоставленной ему свободой действий, Грегор Штрассер назначает гауляйтеров по собственному усмотрению, практикует демократические выборы руководителей среднего и низового звена, благодаря чему большая часть гауляйтеров, за исключением южногерманских, были сторонниками братьев. В итоге внутри НСДАП образовалось направление, представленное северогерманскими организациями и отличное от «мюнхенского руководства». Наибольшую поддержку Штрассерам оказывали гауляйтеры Аксель

Рипке и Карл Кауфман (Рейнланд-Норд), Эрих Кох, Франц Пфеффер фон Саломон, Йозеф Вагнер (Вестфалия), Эрих Рознкат и Гельмут Брюкнер (Силезия), Карл. Ребер (Ольденбург), Мартин Мучман и Хель-мут фон Мюкке (Саксония), Йозеф Еюркель (Рейнфальц), Эрнст Шланге (Берлин), Хинрих Коце (Шлезвиг-Гольштейн), Теодор Вален (Померания), Фридрих Гильдебрандт (Мекленбург) и другие.

Ближайшим помощником и идеологом братьев является выходец из рейнской рабочей семьи, член НСДАП с 1923 года, доктор Йозеф Геббельс. Прошедший жестокую школу жизни, обладавший несомненными способностями, он явился настоящей находкой для Грегора. Показательно, что Геббельс, прежде чем окончательно примкнуть к нацистам, довольно долго колебался между ними и Компартией Германии (КПГ), в его окружении той поры было много коммунистов. Именно Геббельс стал редактором журнала «Национал-социалистический брифе», главного теоретического органа левого, социалистического крыла, и секретарем

Красные в НСДАП (часть 1)

Грегора Штрассера.

Последний между тем не терял времени зря и уже 10-11 сентября 1925 года на совещании своих сторонников в Хагене провозгласил образование «Рабочего содружества северо- и западногерманских гауляйтеров НСДАП», поручив управление его делами Геббельсу. Теоретическим органом «Рабочего содружества» стали вышеупомянутые «Национал-социалистические брифы», выходившие с 1 октября 1925 года. Геббельс в своих дневниках называл их «оружием борьбы против склеротических бонз в Мюнхене» и провозгласил Грегора Штрассера «силой, противостоящей бонзам». Задачу «Рабочего содружества» Геббельс видел в том, чтобы «усилить значение собственной позиции в национал-социалистическом движении и выработать альтернативу пагубному мюнхенскому направлению». В своем журнале он первым делом открыл дискуссию по рабочему вопросу, продолжавшуюся до 1930 года.

Таким образом, уже в конце 1925 года возникла сплоченная, организованная оппозиция по отношению к гитлеровскому руководству НСДАП. Причем оппозиция эта открыто рекламировала себя в качестве левой фракции партии и проводила свою, отличную от гитлеровского руководства в Баварии линию как по второстепенным, тактическим (поддержка КПГ во время референдума о конфискации собственности князей), так и по принципиально важным, стратегическим вопросам (требование создать свой боевой «нацистский» профсоюз). Эта оппозиция собирала членские взносы от входивших в нее земель — «гау» (Саксония, Силезия, Вюртенберг, Баден в их числе), их гауляйтеры получали от руководства оппозиции руководящие циркуляры.

В чем же состояли идеологические расхождения между левой фракцией и гитлеровской группой? Штрассеровцы выступали за социализм, но не за реформистский «сотрудничающий с капиталом социализм СДПГ» и не за «антинациональный социализм КПГ», а за «национальный социализм». Этот их «немецкий социализм» носил в соответствии с национальными традициями явно выраженный этатистский характер. Наиболее точную и лапидарную формулировку дал Геббельс в своей статье 1 сентября 1925 года в центральном органе НСДАП «Фелькишер беобахтер» — «Будущее принадлежит диктатуре социалистической идеи в государстве». В ней Геббельс, главный теоретик левой фракции, пропагандировал национально ориентированный революционный социализм, который через абсолютизацию идеи тоталитарной власти, идею мощного государства, разумеется пролетарского государства, ревизовал интернационалистский марксизм. Интересно, что и Компартия Германии (КПГ) стала выдвигать внешне схожие лозунги пятью годами позднее, причем немедленно была подвергнута за них жесточайшей критике со стороны Льва Троцкого.

Именно в этом смысле (борьба за немецкий «национал-социализм») следует понимать заявление Грегора Штрассера, что идеалом для него являются Август Бебель и вообще немецкое социал-демократическое движение до Первой мировой войны. С КПГ его разделяла полная финансовая и политическая зависимость компартии от Москвы и наличие в ней большого числа евреев, особенно в ее руководстве.

Основными политическими требованиями Грегора Штрассера в это время являлись:

- высокие промышленные и аграрные пошлины;
- автаркия народного хозяйства;
- самое интенсивное обложение посреднических прибылей;
- корпоративное построение хозяйства;
- борьба против «желтых» профсоюзов;
- революционная оборона (читай — наступление) в союзе с СССР против империалистов Запада.

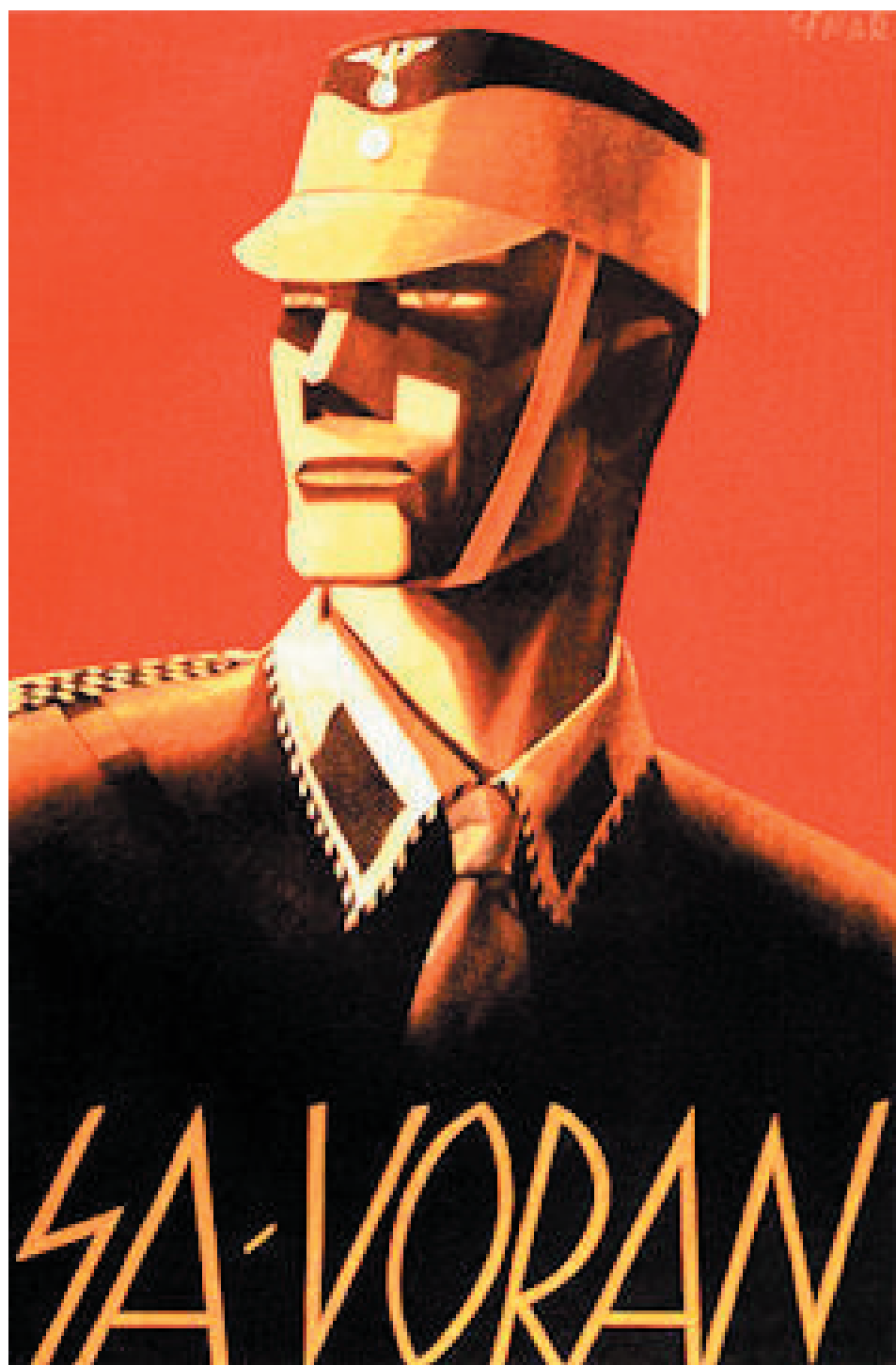
По последнему пункту он писал в передовице «Фелькишер беобахтер»: «Место Германии на стороне грядущей России, так как Россия тоже идет по пути борьбы против Версаля, она — союзник Германии». Свой внешнеполитический курс Грегор Штрассер навязывал всей партии, и «восточная политика» НСДАП, в отличие от курса Гитлера на союз с Италией, сохранялась вплоть до 1930 года, причем диктовалась она не просто антиверсальскими резонами, корни лежали глубже. Так, Геббельс в своей весьма характерно названной статье «Беседа с другом — коммунистом», помещенной в «Фелькишер беобахтер», пишет: «Мне нет необходимости разьяснять своему другу-коммунисту, что для меня народ и нация нечто иное, чем для краснобабы с золотой цепочкой от часов на откормленном брюшке. Русская Советская система, которая отнюдь не доживает, последние дни, тоже не интернациональна, она носит чисто национальный русский характер. Ни один царь не понял душу русского народа, как Ленин. Он пожертвовал Марксом, но зато дал России свободу. Даже большевики-евреи поняли железную необходимость русского национального государства». Интересно здесь то в первую очередь, что написано это в 1925-м, а не, допустим, в 1939 году и относится к Ленину, а не к Сталину.

Показательно также, что Штрассер решительно выступал против антибольшевизма, так как считал его «классическим примером искусной работы капитализма: ему (капитализму. — Авт.) удастся запрыгнуть в свою борьбу против антикапиталистического большевизма и такие силы нации, которые не имеют ничего общего с капиталистической эксплуатацией».

Как более динамичная, растущая сила в НСДАП, левая фракция вполне естественно стремилась к тому, чтобы ее программа была принята всей партией. 22 ноября 1925 года на конференции «Рабочего содружества» в Ганновере, на которой были представлены одиннадцать гау, среди прочих присутствовали такие влиятельные гауляйтеры, как Эрих Кох (Рур), Иозеф Вагнер (Вестфалия), Хинрих Аозе (Шлезвиг-Гольштейн), Хельмут Брюкнер (Силезия), Фридрих Гильдебрандт (Мекленбург), Карл Кауфман (Рейнланд-Норд), Франц Пфеффер фон Саломон (Вестфалия), Эрнст Шланге (Берлин), Бернгард Руст (Ганновер), Карл Рёвер (Ольденбург), Иозеф Тербовен, Роберт Лей (Кельн) и ряд других.

Грегора Штрассера открывает дискуссию по вопросам партийной программы. Он представляет проект Отто Штрассера и поручает Геббельсу и Карлу Кауфману разработать еще один вариант программы. 11 декабря 1925 года проект Отто Штрассера рассылается для ознакомления во все гау, входящие в «Рабочее содружество», с просьбой обсудить и высказывать свое мнение. Он конкретизировал старую гитлеровскую программу «25 пунктов», дополнив ее в тех частях, которые касались социальных вопросов, в особенности положения рабочего класса, — предусматривалось установление новых экономических отношений, экспроприация промышленного капитала, с передачей 30% акций всех промышленных акционерных обществ в собственность рейха, а 10% — рабочим этих же предприятий, причем последним гарантировалась такая же доля при распределении доходов и места в наблюдательных советах. Еще более радикальной была программа в отношении сельскохозяйственных рабочих — предусматривалась экспроприация помещичьей земли и раздача ее им.

24 января 1926 года в Ганновере на квартире местного гауляйтера Бернхарда Руста состоялась третья конференция «Рабочего содружества» с участием гитлеровского эмиссара Готфрида Федера. На ней обсуждается штрассеровская программа, причем левые нацисты были полны решимости отстаивать свой курс. Так, Бернхард Руст заявил, что Гитлер северо-западным партийным организациям «не указ», «у нас нет папы — как решило большинство, так и будет» (интересна религиозная подоплека этой фразы. Очевидно, подсознательно «северяне»-протестанты испытывали неприязнь к католическому мюнхенскому руководству), Фридрих Гильдебрандт, гауляйтер

Мекленбурга, воскликнул: «Долой мюнхенских реакционеров! Долой прислужников князей!» (сам Гильдебрандт был лидером местного национал-социалистического союза сельскохозяйственных рабочих и одним из наиболее радикальных сторонников братьев Штрассеров). А доктор Геббельс договорился даже до того, что предложил «исключить мелкого буржуа Адольфа Гитлера из НСДАП». Однако пойти на разрыв участники конференции не решились, отложив развязку на 14 февраля 1926 года, дату намеченного руководством НСДАП совещания в Бамберге.

Следует отметить, что среди гауляйтеров Северо-Запада не было полного единодушия. Всегда существовала «большая пестрота взглядов». Наряду с «ведущим социалистом» в НСДАП Грегором Штрассером здесь был поддерживающий Гитлера Роберт Лей, который «по-человечески чувствовал положение рабочих», однако его «социализм» был «родственен классическому идеалу гуманности», и Эрих Кох — «один из решительнейших социалистов», которого от КПГ отделял лишь его антисемитизм.

В этой ситуации Гитлер, мастер закулисных партийных махинаций, хорошо подготовился к предстоящему столкновению. Назначая конференцию в Бамберге, он хорошо понимал, что в связи с отсутствием средств многие «северяне» на нее приехать не смогут — так и вышло. Денег на билет смогли набрать только для Геббельса. Сам Грегор Штрассер приехал бесплатно, как депутат рейхстага. В то же время Гитлер сумел собрать максимальное число своих сторонников, их были не десятки, как на конференции в Ганновере, а сотни. Фюрер публично разорвал программу Штрассера и объявил, что конференция в Ганновере была незаконной. Выступил также Готфрид Федер, но критиковавший «большевистские тенденции» в программе штрассеровцев. Но леворадикальный проект Отто Штрассера не обсуждался на конференции — сам же Грегор Штрассер отозвал его, чувствуя неравенство сил. Иуда Геббельс поддержал Гитлера, так как тот произвел на него неизгладимое впечатление. Отныне, особенно после того, как 26 октября 1926 года Гитлер назначил его гауляйтером Берлин-Бранденбурга, он проводил свою собственную политику, фактически расколов левое крыло на две части. Группа Штрассера никогда не смогла простить Геббельсу этой «неслыханной измены своим друзьям», как выразился гауляйтер Рура Франц Пфеффер фон Саломон.

Произошли и другие кадровые перестановки, коснувшиеся прежде всего пролетарского Рура — оплота левых нацистов. Тот же Пфеффер переехал в Мюнхен, став руководителем местных «штурмовиков» (СА). Карл Кауфман переведен гауляйтером в Гамбург, а Эрих Кох (будущий палач Украины) — в Восточную Пруссию.

Закрепляя свою победу, Гитлер разослал 1 июня 1926 года из Мюнхена директиву о роспуске «Рабочего содружества». В партии был введен принцип фюрерства, отныне гауляйтеров назначал сам Гитлер, демонстративно была провозглашена неизменность первой программы партии (так называемых «25 пунктов»), которой, кстати говоря, Гитлер не очень дорожил, считая ее устаревшей.

Однако полного разгрома штрассеровской фракции не произошло. Левые сопротивлялись. 1 марта 1926 года, сразу после бамбергского поражения, братья Штрассеры основали в Берлине издательство «Кампфферлаг» и развернули широкую пропагандистскую кампанию. Начались обмены любезностями. Весьма характерна была появившаяся в это время статья Эриха Коха, в которой ни разу не упоминался Иозеф Геббельс, но рассказывалось на исторических примерах о гнусности, коварстве и ничтожестве всякого рода калек и уродцев, занимавшихся политической деятельностью.

Гораздо более серьезным делом, нежели газетные уколы, был созыв в июле 1926 года под нажимом левых специальной конференции партии по вопросу о создании своего нацистского профсоюза. И хотя от штрассеровцев им так и не удалось добиться создания боевой рабочей организации, в следующем, 1927 году на Нюрнбергском партийном съезде они вновь выдвинули свои «пролетарские» требования, продолжая на страницах контролируемой левыми нацистами печати («Национал-социалистический брифе», «Рейхсварт») оживленную дискуссию по этому вопросу. При этом полностью игнорировалась антипрофсоюзная позиция Гитлера, изложенная в «Майн кампф». Лидер столичной парторганизации Геббельс, который хотя и переметнулся в организационном плане на сторону фракции Гитлера, все же длительное время сохранял свои левые убеждения. Он решительно выступал в поддержку забастовочной борьбы. В своей статье «Стачка», помещенной в издаваемой им газете «Ангриф» 10 февраля 1930 года, он приветствовал забастовки как средство борьбы против «системы» и «плохих капиталистов».

В 1927 году под его влиянием появилась первая нацистская группа на крупном предприятии — это был «национал-социалистический союз избирателей» на заводе «Берлинер Кнорр-Брамзе А.Г.», переименованный вскоре в «Национал-социалистический Боевой Рабочий Союз». Вслед за этим одна за другой стали появляться подобные организации на крупнейших предприятиях (заводы Сименса, Бор-зига, «АЭГ», Берлинское транспортное общество «Фауг» и т. д.). В конце 1928 года их было свыше пятидесяти. Главным их организатором являлся энергичный и талантливый 23-летний заместитель Геббельса по руководству берлинской парторганизацией Рейнгольд Мухов и его помощники Вальтер Шуман и Иоганн Энгель. Создавая свою организацию по принципу производственных ячеек, Мухов копировал опыт КПГ. Он писал: «Главной задачей... является превращение рабочих в правящий слой нового государства». В конце концов Гитлер вынужден был смириться, и на Нюрнбергском съезде 1929 года было принято решение создать свою общегерманскую рабочую организацию.

1 мая 1930 года — день официального провозглашения НСБО — Национал-социалистической организации производственных ячеек. Именно в это время НСДАП резко усиливает свое влияние среди рабочего класса. На выборах 1930 года за нее голосовали 2 миллиона рабочих, 200 тысяч рабочих состояли в СА. Среди членов НСДАП их доля достигала 28% (почти в два раза больше, чем доля рабочих, состоящих в КПГ; коммунистов недаром называли партией безработных).

Помимо борьбы по профсоюзному вопросу, штрассеровцы наращивали свою пропагандистскую работу. Во второй половине 30-х годов издательство братьев Штрассеров «Кампфферлаг» начинает выпускать массовым тиражом восемь журналов и газет, самая крупная из которых — «Берлинер арбайтер цайтунг». Вместе с ней в марте 1926 года начинает выходить «Дер Национале социалист», а вслед за ними «Сакшиер беобахтер» и два журнала — «Национал-социалистический брифе» и «Фауст». Через эти газеты и журналы штрассеровцы ведут нападки на представителей крупного капитала, особенно на Шахта, что вызывает новые санкции со стороны Гитлера — 23 апреля 1927 года он лишает главный рупор левых, журнал «Национал-социалистический брифе», статуса официального органа партии, оставляя за ним право печатать лишь дискуссионные материалы и научные публикации.

Не все левые нацисты сдались после Бамбергской конференции в феврале 1926 года без боя, как братья Штрассеры. Довольно большая группа революционных нацистов во главе с «Хейнцем» (Карл Гвидо Оскар) Хауенштайном, Фрицем Канненбергом и Эрихом Тиммом выступила тогда против Гитлера и 15 сентября 1926 года была исключена из партии. После закулисных переговоров с Отто Штрассером, который в тот момент отказался последовать за ними, эта группа 24 ноября 1926 года провозгласила создание Независимой Национал-социалистической партии Германии (УНСПД) и ее боевой организации — «Союза друзей Шлагетера» (аналог СА). В ее создании приняли участие представители левых нацистов Берлина, Халле и Лейпцига. УНСПД выпускала свой орган в Дрездене — еженедельную газету «Дойче фрайхат» и насчитывала 1,5 тысячи членов. Идеологически группа базировалась на признании тезисов о народном социализме и провозглашения Великогерманской Советской республики, достижимой в результате классовой борьбы, социализации частной собственности, социальной и национальной революции.

В начале 1927 года УНСПД обратилась с призывом к «товарищам из Союза красных фронтовиков» (РФК — военизированная организация Компартии), в котором предлагала вести совместную борьбу против общих врагов — капиталистов и сторонников «буржуазного» фашизма, так как многие цели и классовые позиции обеих организаций совпадают.

Не получив широкой поддержки среди рабочих, организация в конце 1927 года распалась, большинство ее членов вернулось в НСДАП, занимая по-прежнему крайне левые позиции в ней и активно действуя в руководстве НСБО (организация национал-социалистических производственных ячеек) и штурмовиков (СА).

К этому времени в результате резкого роста НСДАП и ее электората, причем именно на Севере и Западе Германии, влияние самого Грегора Штрассера в партии и позиции его фракции резко улучшились. Этому способствовал и переход в НСДАП

ряда представителей революционного крыла долгое время конкурировавшей с ней праворадикальной «Немецко-фелькишеской партии свободы», в частности ее депутатов в рейхстаге Эрнста Графа цу Ревентлова, Константина Хирля, Вильгельма Кубе и Франца Штёра. Ревентлов со своей газетой «Рейхсварт» становится наряду с Отто Штрассером главным пропагандистом и идеологом левых нацистов. Выступая на Нюрнбергском съезде партии в августе 1927 года, он заявил: «Мы не должны забывать, что мы национальные социалисты, и поэтому никогда не должны проводить такую внешнюю политику, которая служит или могла бы служить капиталистическим интересам». Константин Хирль по поручению Гитлера создает и возглавляет в Мюнхене 2-й организационный отдел партии. В его рамках действует «отдел экономической политики» — один из бастионов левых, возглавляемый Отто Вагенером, близким другом братьев Штрассеров. Роль этого отдела особенно возросла после того, как в июне 1932 года Грегор Штрассер был назначен Гитлером имперским оргсекретарем НСДАП.

Штрассеровцы и в конце 20-х годов, как уже указывалось, продолжали пропаганду своих левых, социалистических идей, как будто и не было поражения в Бамберге. Так, в своем очередном проекте правительственной программы, который они пытались навязать всей НСДАП в 1929 году, Отто Штрассер писал: «НСДАП является социалистической партией. Она знает, что свободная германская нация может возникнуть лишь путем освобождения трудящихся масс Германии от всяческих форм эксплуатации и угнетения. НСДАП является рабочей партией. Она стоит на точке зрения классовой борьбы трудящихся против паразитов всех рас и вероисповеданий». Далее он разъяснял, что партия выступает за «народное советское государство», и повторял известный тезис о «революционной обороне против империалистических государств в союзе с СССР».

В июне 1927 года в «Национал-социалистическом брифе» была напечатана большая программная статья Дитриха Клакгеса, ставшего позднее ближайшим сподвижником Отто Вагенера по «отделу экономической политики», — «Чего хочет национал-социализм». В ней Клакгес в негативных тонах расписывал «господство либерально-капиталистического государства и экономическую монархию», давал резкую критику капитализма, который «планомерно злоупотребляет собственностью на средства производства, отдал богатство и собственность в руки хапуг», а создателей материальных ценностей «поверг в нищету и беды». «Это капитализм, подавив сознательный труд, лишил нацию мира внутри страны и сделал безоружной для отражения нападения извне». В подобном духе продолжал выступать и лидер левых Грегор Штрассер: «Мы социалисты. Мы враги, смертельные враги нынешней капиталистической системы».

В мае 1929 года пресса штрассеровского издательства «Кампфферлаг» в союзе с прессой компартии в рамках пропагандистской кампании против подписания репарационного «плана Юнга» выступила с резкой критикой традиционных союзников НСДАП из правоконсервативного и «социал-революционного» лагеря (Немецкой национальной народной партии Гугенберга, «Стального шлема» и т. п.). Брошенное им штрассеровцами обвинение в том, что они являются «подрочными американского финансового капитала» и поэтому предпочитают союз «между германской и американской буржуазией своей связи с судьбой нации», полностью совпадало с аналогичными обвинениями тех же сил со стороны КПГ.

Критикуя гитлеровское руководство за отказ от революции, за соглашательство с клерикалами и монархистами, за коррупцию и зависимость от капитала и правых, за принятие в партию принца Августа-Вильгельма, за участие в коалиционном правительстве Тюрингии, штрассеровское крыло партии стремилось «открыть путь для социалистических преобразований в Германии» путем «отрыва» Гитлера от его союзников из правого лагеря.

На базе борьбы против союза с крупным капиталом и правыми партиями «решительно социалистическое левое крыло НСДАП» вновь консолидируется и ведет свою пропаганду «приблизительно в стиле КПГ». Показателен конфликт в руководстве саксонской парторганизации. Когда на выборах 1929 года нацисты получили здесь достаточно мест для того, чтобы создать коалиционное правительство, лидер фракции НСДАП капитан-лейтенант в отставке Хельмут фон Мюкке направил 29 июня того же года письмо Гитлеру, в котором предлагал создать это правительство в коалиции с КПГ и СДПГ. Гитлер решительно отверг этот план, настаивая на коалиции с правыми. Он сместил фон Мюкке и назначил лидером фракции его личного врага капитан-лейтенанта в отставке Манфреда фон Киллингера. В ответ на это фон Мюкке 10 июня вышел из партии, обвинив ее в том, что она «продалась капиталистам», и устроил скандал в прессе, разоблачив роль фабриканта и гауляйтера Саксонии Мартина Мучмана.

Можно согласиться с Альфредом Розенбергом, что весной 1930 года левые нацисты, коммунисты и левые социал-демократы были малоразличимы, «представляли революционное движение в Германии».

А. Север
(продолжение в ШИМ-8)

Ульрика Мария Майнхоф: От протеста - к сопротивлению

«Протест – это когда я заявляю: то-то и то-то меня не устраивает. Сопротивление – это когда я делаю так, чтобы то, что меня не устраивает, прекратило существование. Протест – это когда я заявляю: всё, я в этом больше не участвую. Сопротивление – это когда я делаю так, чтобы и все остальные тоже в этом не участвовали».

Студенты вовсе не «устраивают восстание», они учатся сопротивляться. Да, полетели камни, да, разлетелись вдребезги стекла в здании концерна Шпрингера в [Западном] Берлине. Запылали машины, были захвачены водометы, пострадала одна из редакций «Бильд цайтунг», были проткнуты шины, парализовано транспортное сообщение, о прокинуты грузовики, прорваны цепи полиции – да, было применено насилие, физическое насилие. Выходу шпрингеровской прессы, несмотря на это, помешать не удалось, уличное движение было восстановлено через несколько часов. За оконные стекла заплатит страховая компания. Вместо сожженных грузовиков выедут другие. Поголовье полицейских водометов не уменьшится, как не будет недостатка и в резиновых дубинках. Значит, все, что случилось, может повториться вновь: шпрингеровская может и дальше продолжать свою кампанию оголтелой травли, Клаус Шутц может и дальше призывать к тому, чтобы «посмотреть этим субъектам в лицо» и – будем последовательны – врезать по ним (как это уже было 21 февраля), а в конечном итоге – стрелять.

Граница между словесным протестом и физическим сопротивлением была пройдена во время демонстраций в связи с покушением на Руди Дучке в пасхальные дни – впервые в массовом порядке, а не отдельными личностями, в течение нескольких дней и повсеместно, а не только в [Западном] Берлине, на практике, а не символически. После 2 июня жгли газеты Шпрингера – теперь пытаются блокировать их доставку. 2 июня бросали только помидоры и тухлые яйца – теперь бросают камни. В феврале был показан веселый и смешной фильм о том, как делать «коктейль Молотова» – теперь бутылки с коктейлем действительно запылали. Граница между протестом и сопротивлением была пройдена – но пройдена неэффективно. И все же то, что случилось, может повториться: соотношение сил не изменилось. Сопротивляться научились. Но позиции власти захвачены не были. Так можно ли поэтому назвать все произошедшее бессмысленным, шапкозакидательским, террористическим, аполитичным, бессильным насилием?

Давайте поставим точки над «і». Чего хочет политическая власть? Та

власть, что осуждает бросающих камни демонстрантов и поджоги, но не оголтелую шпрингеровскую пропаганду, не бомбардировки Вьетнама, не террор в Иране, не пытки в ЮАР. Так власть, которая может – по закону – экспроприировать Шпрингера, но вместо этого создает «большую коалицию». Та власть, которая может в СМИ рассказать правду о газетах «Бильд» и «Берлинер цайтунг», но вместо этого распространяет ложь о студентах. Та власть, что лицемерно осуждает насилие и привержена «двойному стандарту», что стремится именно к тому, чего мы, вышедшие в эти дни на улицы – с камнями и без камней – вовсе не хотим: навязать нам судьбу бессильных, лишенных самостоятельности масс, навязать нам роль никому не страшной оппозиции, навязать нам демократические игры в песочнице как нашу судьбу. А если дело примет серьезный оборот – чрезвычайное положение.

Джонсон, который объявил Мартина Лютера Кинга национальным героем, Кизингер, который выразил по телефону соболезнование в связи с покушением на Дучке – оба они представители системы насилия, системы, против которой выступали и Кинг, и Дучке, системы насилия, которая породила и Шпрингера, и войну во Вьетнаме. Поэтому ни у Джонсона, ни у Кизингера нет ни морального, ни политического права осуждать сопротивление студентов.

Вновь ставим точки над «і». Документально доказано, что у нас не просто кто-то кого-то расстрелял среди бела дня, а что протест интеллигенции против оглушения масс был серьезно изучен и осмыслен концерном Шпрингера – и концерн принял меры, чтобы провозгласить тех, кто выступает против [его] кампании оглушения, людьми, выступающими против бога, и вообще субъектами, которые якобы всегда против всего. Документально доказано, что бюргерская фирма «Обычаи & Хорошие манеры» – это кандалы и что эти кандалы могут и должны быть разбиты, если кандалников начинают избивать и расстреливать. Документально доказано, что в этой стране еще есть люди, которые не только втайне не поддерживают и осуждают террор и насилие, но готовы рискнуть сказать это открыто и не дают себя запугать, то есть что есть люди, способные сопротивляться и показать всем, что так, как прежде, продолжаться не может. Документально доказано, что пропаганда смерти общественно опасна, и поэтому в обществе нашлись силы, готовые не идти на заклатание. Документально доказано, что человеческая жизнь стоит гораздо больше оконных стекол и машин – как грузовиков концерна Шпрингера, так и автомобилей демонстрантов, разбитых и искореженных полицией во время акции снятия блокады со здания издательства Шпрингера в [Западном] Берлине. Документально доказано, что в обществе наконец появились силы, готовые не только называть невыносимое невыносимым, но и организовывать процесс разоружения Шпрингера и его прислужников.

Итак, было продемонстрировано, что в нашем распоряжении есть и другие средства, более эффективные, нежели те, что доказали свою несостоятельность (я имею в виду демонстрации, протесты, слушание дела Шпрингера и т.п.), раз не смогли предотвратить покушение на Руди Дучке.

Итак, поскольку кандалы фирмы «Покой & Порядок» уже разорваны [самой властью], мы можем и должны начать новую дискуссию о насилии и ответном насилии. Ответное насилие в той форме, в какой оно практиковалось в пасхальные дни, не подходит для того, чтобы вызвать симпатии [оппозиционных сил], чтобы привлечь на сторону

внепарламентской оппозиции запуганных правительственным насилием либералов. Ответное насилие должно превратиться в такое насилие, которое соразмерно полицейскому насилию, в такое насилие, в котором продуманный расчет заменит бессильную ярость, такое насилие, которое на использование полиции в качестве вооруженной, военной силы тоже ответит вооруженными, военными средствами.

Истеблишмент, «правлящую верхушку» нужно принудить к переговорам с Руди – так, чтобы правительство, парламентские партии и союзы [предпринимателей] поняли: сейчас есть один-единственный способ сохранить их любимую фирму «Покой & Порядок» – экспроприировать Шпрингера.

Шутки кончились.

«Конкрет», 1968, № 5.

Победителем выборов в Израиле стал премьер-министр Владимир Путин

По данным Центризбиркома Владимир Путин получил поддержку 48% избирателей в Израиле, принявших участие в состоявшемся 4 марта голосовании по выборам президента РФ. За него было подано 5.372 голоса, сообщила «Курсор» пресс-служба посольства России.

Голосование проходило на 13 участках, открытых посольством в разных городах Израиля. Всего своим избирательным правом воспользовались 11.350 российских граждан, временно или постоянно проживающих на территории еврейского государства.

На втором месте оказался Михаил Прохоров, за которого проголосовали 40% избирателей (4.477 голосов). Лидер КПРФ Геннадий Зюганов занял третье место с 5,5% голосов (613). Сергей Миронов получил 4,1% голосов, а Владимир Жириновский - 2,3%. Недействительными признаны 168 (1,5%) бюллетеней.

Наибольшая активность избирателей зарегистрирована на участках в Тель-Авиве и Хайфе. По информации генерального консула РФ в Хайфе Игоря Попова, здесь первое место занял Путин (710 голосов), а второе - Прохоров (610). В Тель-Авиве зарегистрированы сходные результаты.

Источник:

<http://www.regnum.ru/news/polit/1507468.html#ixzz1pRjsG16K>

ПТИЦА СЧАСТЬЯ ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ

Солдаты неправды

30 апреля 1975 года закончилась вьетнамская война, но весь мир по-прежнему находится в зоне американских национальных интересов

Самая демократичная страна USA в очередной раз потрясла отстающий от прогресса мир, когда по интернету разошлись фотографии американских солдат, позирующих с расчлененными телами убитых ими афганцев.

Возмущенная общественность требует от американских солдат за рубежом достойного поведения, как это пристало солдатам, несущим другим нациям свободу и демократию. Однако вместо этого мир постоянно сталкивается с примерами скотства военнослужащих американской армии. Можно видеть, что двойная мораль свойственна не только американским политическим верхам. Спускаясь в войска и преломляясь в сознании каждого рядового, она в условиях военной обстановки высвобождает низменные животные инстинкты.

Кто всерьез верит, что американский солдат в Афганистане убежден в своей высокой миссии и полон благородных порывов? Кто он, в конце концов, этот «демократизатор» в бронжилете и с автоматическим оружием в руках?

По данным Управления кадров американской армии (Army Recruiting Command), в США проживают 32 миллиона молодых людей в возрасте от 17 до 24 лет. Однако среди этих потенциальных солдат лишь 4,3 миллиона соответствуют требованиям, предъявляемым к новобранцам.

Среди тех 27,7 миллиона человек, которые не подходят под стандарты американской армии, 4,4 миллиона составляют лица с криминальным прошлым, а также страдающие алкоголизмом, наркоманией или ожирением. Еще 2,6 миллиона страдают другими болезнями, которые не позволяют им вступить в ряды вооруженных сил. **Все остальные молодые американцы (примерно 20 миллионов!) не подходят по уровню своего интеллектуального развития.**

В качестве одного из способов решения проблемы расширена практика привлечения в ряды вооруженных сил США гастрарбайтеров. В настоящее время в американской армии числятся около 40 тысяч иностранцев более чем из 100 стран мира. С поступлением на службу им предоставляется право начать процесс натурализации и получения гражданства, на что при обычном порядке они могли бы рассчитывать только после 5 лет проживания в США.

Администрация и военное руководство США пошли даже на снижение требований, предъявляемых к кандидатам на получение американского гражданства, проходящим службу в рядах вооруженных сил. Поблажки коснулись, прежде всего, языковых требований: отныне военнослужащим необходимо просто «понимать английский язык», а не знать его, как это было установлено ранее. Более того, за усердие и инициативу, проявленные при выполнении боевых задач, иностранцы, проходящие службу в вооруженных силах США, имеют право получить американское гражданство вне зависимости от установленных ранее сроков натурализации. Однако всё это никак не повысило моральный уровень американской армии.

На сегодня расово-этнический состав американских вооруженных сил выглядит следующим образом:

- белые американцы — 58,7%;
- чернокожие — 26,4%;
- латиноамериканцы — 8,1%;
- прочие — 6,8%, в том числе — до 20 тысяч мусульман.

При этом отмечается, что уровень образованности и развития интеллекта у афроамериканцев и латиноамериканцев ниже, чем у белых, и зачастую их мораль прямо конфликтует с правилами американской армии.

В 2005 году Пентагон снизил интеллектуальную планку для новобранцев сухопутных сил. Washington Profile приводит несколько вопросов из стандартного теста (ASVAB), который должен был пройти каждый новобранец до принятия «облегченных правил»:

— «Сколько автобусов, вмещающих 36 человек, потребуется, чтобы перевезти 144 пассажира?»;

— «Если $X + 6 = 7$, то чему равен X ?»;

— «Если автомобиль потребляет слишком много масла, какая деталь нуждается в замене?»;

— «Какой материал (предлагается выбрать из резины, серебра, дерева и железа) является лучшим проводником электричества?»

Столь сложные вопросы ставили кандидатов в тупик и вызывали их повышенный отсев. Теперь их отменили.

Американская киноиндустрия много лет творит сказку о «рядовом Райане». Реальность же говорит о том, что американский наемник феноменально подл и труслив, а охваченный страхом, готов стрелять по всему, что шевелится. Именно так американцы расстреляли в 2005 году съемочную группу агентства Reuters, «слишком быстро приблизившуюся» на автомобиле к их блок-посту.

Министр Панетта лицемерит, когда говорит об этих выходах «джи айс», как о «глупом мальчишестве». Ни один «легкомысленный мальчишка» не поднимет перед объективом оторванные ноги трупа, ни одному не придет в голову писать на бомбах и ракетах «Счастливой Пасхи», как американцы делали на Пасху 1999 года в Югославии.

Этот пример во многом символичен. Написать на зарядах, несущих людям ужасную смерть, «Счастливой Пасхи» может только существо с тотально извращенным сознанием. **Это существо должно быть предварительно подвергнуто лоботомии постмодерна. Это существо, имеющее облик человека в форме солдата американской армии, не задумываясь исполнит любой изуверский приказ во имя неправды.** Поэтому следует очень хорошо понимать, что скотство, насаждаемое американскими «идеальными солдатами» среди других народов, является не только следствием их чудовищного бескультурия. Главная причина в том, что это легионеры американского империализма, это солдаты неправды, и они не могут быть другими.

Когда-то подобным отличался Вермахт, несущий новый мировой порядок, и солдаты фюрера тоже любили позировать на фоне своих жертв, с той лишь только разницей, что немцы не объявляли себя миротворцами, борцами за свободу и демократию.

«Я освобождаю человека, — говорил Адольф Гитлер, — от уничтожающей химеры, которая называется совестью. Совесть, как и образование, калечит человека». Дёрр Г. Поход на Сталинград.

Ганс Шредер

ЕСТЬ РЕКОРДНЫЙ УРОЖАЙ!

Сущность левого патриотизма

**За матушку Русь!
За наш трудовой народ!**

Конъюнктура или парадигма?

Левый патриотизм занимает сегодня немаловажное место в общественно-политической и концептуальной палитре России. Одна из его версий, так называемый «русский коммунизм», является идеологией самой крупной оппозиционной силы - КПРФ, другая — «левое евразийство» развивается широко известным социальным философом С.Г. Кара-Мурзой и его последователями (С. Телегин, И. Игнатьев, И. Николаев, И. Тугаринов и др.), к которым принадлежит и автор этих строк.

Но при всем при том, к сожалению, в обществе не существует ясного понимания истоков этой метапарадигмы, ее оснований и главных положений. Это в свою очередь, увы, служит почвой для широкого резонанса для обвинений той же КПРФ в том, что она-де «отошла от марксизма», «стала партией националистического толка», «поддалась политконъюнктуре», которые с завидным постоянством воспроизводят ангажированные антисоветские СМИ и представители «пятой колонны» в самой КПРФ. Вместе с тем мало кому известно, что вообще-то левый патриотизм — это совокупность идей, которая прочно фундирована в российской общественно-политической и социально-философской мысли, уходя корнями в ленинизм, сталинизм, а также в некоторые эмигрантские варианты русской религиозно-философской, консервативной мысли.

Кажется, пришла пора четко выразить сущность метапарадигмы левого патриотизма. Именно этому и будет посвящена данная статья.

Сущность левого патриотизма

На первый взгляд, действительно, само словосочетание «левый патриотизм» звучит как логическое противоречие. Патриотизм как идеология, наряду с естественной эмоциональной любовью к Родине, включает в себя уважение к собственному государству и стремление к его укреплению, ощущение нации как единого целого, несмотря на имущественные и финансовые перегородки внутри нее. Иначе говоря, патриотизм по своей природе есть идея правая, консервативная, охранительная. Левая же идея видит в разделении человечества на народы и цивилизации лишь временное явление и мечтает о слиянии всех и вся в едином, планетарном «этническом котле», государство рассматривает как институт эксплуатации, подлежащий постреволюционному демонтажу, классовые противоречия ставит выше национальных. С точки зрения школьной логики патриотизм и социализм, «правая» и «левая» совершенно несовместимы.

Но что такое логика? Не более чем учение о понятиях, суждениях и умозаключениях, формах нашего мышления, а не о реальной жизни. Как писал Гегель, реальный мир, в отличие от наших абстрактных конструкций, нелогичен, противоречив и именно поэтому логика и должна быть дополнена диалектикой. Философы-метафизики стремятся избегать противоречий, и тем самым уходят от жизни в область пусть непротиворечивых, но от этого и совершенно беспочвенных абстракций; суть же дела состоит как раз в том, чтобы научиться мыслить противоречия, брать их как факт и класть в основу

своего теоретизирования. Так формулировал предназначение диалектики ее великий систематизатор.

Конечно, в «чистой теории» левого патриотизма не должно было бы быть, в ней противоположности никогда не сходятся и, скажем, жизнь остается жизнью, а смерть смертью. Но возьмем классический пример из «Малой логики» Гегеля - в действительности все построено на единстве противоположностей, действительные организмы живут и развиваются благодаря смерти и если можно было бы «изъять» из них начало смерти, то прекратилось бы развитие, а значит, и самая жизнь. Скажем, если бы их ткани живых организмов регулярно не отмирали, не могли бы возникать новые ткани, приходящие им на смену, организмы перестали бы расти, жить.

И существование левого патриотизма сделала возможным сама жизнь, породив советскую цивилизацию, в которой вопреки «логичности» политических догм сплелись консерватизм и революционаризм, левые идеи социальной справедливости и правые идеи особой роли России и русского народа в истории, государственничество и социализм.

Итак, левый патриотизм — это метапарадигма, которая исходит из жизненного, реального факта, возникновения в истории диалектического феномена — советской цивилизации, которая не только воплощала левый проект, но и была органическим продолжением российской, русской, православно-традиционной цивилизации. Причем, речь идет не только о геополитической преемственности Российской Империи и СССР, что в общем-то очевидно, но и о своеобразной эстафете культурных форм российской евразийской цивилизации: так, нетрудно увидеть связь Советов с одной стороны и крестьянских сходок и городских вече - с другой, советских предприятий с их коллективистской этикой и широким спектром социальных гарантий и крестьянским «миром». Кроме того, сам факт существования советского искусства и прежде всего — литературы, которая своей «генетикой» была увязана с классической русской литературой и в наивысших своих проявлениях — творчество Есенина, Маяковского, Твардовского, Шолохова, Белова, Распутина стояла вровень с классическими образцами русской литературы, говорит сам за себя. Живая литературная традиция не может быть порождена искусственным, экспериментальным социальным образованием (а именно так СССР воспринимали в эмиграции, отказывая ему даже в самом имени «Россия» и называя «Совдеп»; это обвинение можно услышать и от нынешних «белых патриотов», хотя теперь сама жизнь давно показала его абсурдность). Литература не появляется «ex nihilo», она вырастает только из «почвы».

Итак, базис левого патриотизма - идеологическое осмысление сути советской цивилизации. Осмысление это может происходить через призму двух подходов — формационного, марксистского и цивилизационного, уходящего корнями в русскую религиозную, прежде всего, славянофильскую философию. Разумеется, это не значит, что эти подходы совершенно несовместимы. Марксист может учитывать особенности «русской» пути, консерватор - иметь в виду природу капитализма, описанную Марксом. Но в главном они все же разойдутся: для одного история — постепенное, хотя и не прямолинейное шествие к единой, общей, глобальной формации — коммунизму, для другого история полицентрична, а ее гипотетическое глобалистское завершение есть катастрофа, разрешающаяся уже по ту сторону истории, в зоне вечности.

Вследствие этого левый патриотизм включает в себя два направления — коммунистическое и консервативное, и союз между ними, хотя и тесный, но тактический. Это нужно четко осознавать, иначе мы впадем в ошибку, которую делает, например, А.Г. Дугин, отождествляя евразийство и русский коммунизм, национал-большевизм и «просто большевизм». Между ними, естественно, немало общего и прежде всего это — в целом положительная (хоть и не без оговорок) оценка Октябрьской Революции и общества «реального социализма» - СССР. Однако следует не упускать из вида, что коммунисты-левые патриоты видят в русском социализме лишь особый, отличный от западного, «русский путь» к мировому коммунизму, тогда как консерваторы - левые патриоты рассматривают Россию-СССР как новую стадию развития российской и русской цивилизации, ценности которой неприменимы к другим цивилизациям (равно как к нам, например, неприменимы культурные матрицы западного капитализма).

И также как не всякий консерватор является левым патриотом, не всякий коммунист относится к этому идейному течению. Переход «на рельсы» левого патриотизма потребовал от коммунистов «сдвига вправо», от консерваторов, соответственно, «сдвига влево» (подчеркнем, что речь идет об органическом, творческом развитии русской марксистской и славянофильской мысли, а не о политической тактике). Коммунистам пришлось проникнуться духом русско-евразийской цивилизации, результатом чего стал «русский коммунизм», представленный тремя вариантами — ленинизм, сталинизм и современный «русский коммунизм (идеологи - Г.А. Зюганов и Ю. Белов) Те же коммунисты, которые остались в стороне от патриотического поворота, составили лагерь космополитического коммунизма (как, например, троцкисты). Консерваторам для этого, напротив, пришлось хотя бы в некоторой мере вобрать в себя социалистический нравственный идеал и понять жестокую историческую правду и правоту Русской Революции 1917 года, ее национально-освободительный, антизападный характер. Результатом этого стали различные в той или иной мере просоветские течения Русской Консервативной Революции: национал-большевизм Н.В. Устрялова, сменовеховство (Ю. Ключников, С. Лукьянов, Бобрищев-Пушкин и др.), классическое левое евразийство (Л.П. Карасавин, П.П. Сувчинский, Д.П. Святополк-Мирский), национал-максимализм (кн. Ю. Ширинский-Шихматов, Е. Кузьмина-Караваева (мать Мария), Л. Савинков (сын террориста Савинкова) и др.), современное левое евразийство С.Г. Кара-Мурзы и его последователей. Те же консерваторы, которые остались на антисоветских позициях, так и не захотели признать в СССР Россию - свою любимую Родину, только перешедшую в иную фазу развития, остались в плену исторически мертвого монархизма или фантомов чуждого нашей «почве» перелицованного с европейских, итальянского и немецкого образцов фашизма и национал-социализма. И то, и другое направления очевидно не имеют и уже никогда не будут иметь будущего в России.

**Рустем Вахитов
Уфа**

Стихи в ШИМ

“ПЕРВОМАЙ” - КОЛОВРАТ

В день Первомай мы собрались
здесь
Выразить свой социальный
протест
Дело борьбы за свободу Труда
Нас с тобой ныне призвало сюда

Мы хотим действовать - Хватит
слов!
Долой диктатуру денежных
мешков
Процентное рабство и жизнь в
кредит
Но социализм все равно победит!

Первомай это праздник труда!
Это наш путь, это наша борьба!
Первомай! Рядом с нами вставай!
Наш день, наш праздник -
Первомай!

Вот маски на лицах - идет
“Черный Блок”!
Колонна стройно шагает вперед
Имперские флаги над головой
И бой барабанов зовет за собой

Здесь нас всех вместе собрал
Первомай
Если ты смелый - то с нами
давай!
Волю и силу твою ждет страна
Одна Отчизна и цель одна!

Первомай это праздник труда!
Это наш путь, это наша борьба!
Первомай! Рядом с нами вставай!
Наш день, наш праздник -
Первомай!
Мы гневная Русская молодежь,
И мы не верим в буржуазную
ложь
У нас нет хозяев - Мы не рабы!
Время настало разбить кандалы.

Капитализму скажем твердое
“Нет!”
Социализм - вот наш ответ
Против системы мы вышли на
марш
Громко и гордо звучит голос наш!

Первомай это праздник труда!
Это наш путь, это наша борьба!
Первомай! Рядом с нами вставай!
Наш день, наш праздник -
Первомай!

Россия — бесполезная страна?
А русский — нищелюб с последней
бомбой?

Отдай Сибирь! Она другим нужна.
Отдай Кавказ! И похороним с
помпой.
Отдай Карелу! Это не твоё.
Отдай Калининград! Отдай
Поволжье!..

Слетелось мировое воронье.
Осталось уповать на волю Божью.
За братушек-славян вели борьбу,
За всю Европу — русской крови
море.

Могли иные вылететь в трубу,
не вылетели, нынче — в общем
хоре.

Злом — на Добро. Империю — в
клички.

Любая тварь клеймит, порочит,
ранит.

Воскресни, Гитлер, двинь на них
полки!

Россия останавливать не станет.

Марина Струкова

Если не предал свой край,
Трусом не стал и купцом,
Если ты русский, вставай -
Враг у тебя под окном.
Хватит бессильно молчать,
Немощно сжав кулаки -
Жадная подлая рать

Родину рвёт на куски.

Кто нашей гибели рад ?
Кто навязал нам позор ?
Лжец, лицемер, демократ,
Он же убийца и вор.
Сколько же будем терпеть
Эту преступную власть,
Сколько же тихо смотреть
Волку в кровавую пасть.

Братья и сёстры, пора
В русских сплотиться рядах.
Хватит с утра до утра
Думать о чёрных рублях.
Тихо поляжет в гробы
Жалкий запуганный сброд.
Все, кто не с нами - рабы,
Лишь патриоты - народ!

Господа бандиты,
Вы не так сердиты.
Не туда стреляет черный
пистолет.

Вы круты, как яйца

У неандертальца,
И в шестерках ходит ваш
авторитет.

Вас на все “лимоны”

Кинули масоны.

Вам летят подачки с барского
плеча.

Вам дырявит шкуру подлая
ментура.

А сион в законе ходит хохоча.

Стенкою на стенку

Прете вы на “стрелку”.

Вам могилы стелет мать сыра
земля.

Вы под ребра пушки

Тычете друг дружке.

А сион прикрылся стенами

Кремля.

То ли вы слепые,

То ли вы тупые,

То ли не по-русски батя вас

клепал.

Надо вражью силу
Выбить из России,
Ермака второго дай нам,
криминал.

А пока масоны

Гнут из вас поклоны,

Вас назвать крутыми даже не
возьмусь.

Вы бежите с битвы,

Господа бандиты.

Вы конкретно - суки, кинувшие

Русь.

Леонид Корнилов

Не погибнет Отечество наше,
Не смирится с позорной судьбой...
Всех святых, на Руси воссиявших,
Я сегодня скликаю на бой!

И в шеренги становятся россы,
И идут в облаках надо мной
Лиза Чайкина, Саша Матросов,
И Нахимов, и Дмитрий Донской.

Маршал Жуков идёт и Суворов,
Вся великая русская рать,
Все святые идут вместе с ними
Оскорблённую Русь защищать.

Я их вижу, я чувствую сердцем
Нас навеки связавшую нить,
Не подвластную порче и смерти,
Не дающую нам отступить.

И в спокойствии ясном клянусь я,
Что умоется кровью наш враг -
Всех защитников русской
Державы
Надо мной развевается флаг.

Борис Гулько

ШТЫК И МОЛОТ

«Штык и Молот» официальная
газета общественно-
политического движения
«Национал-
Большевистский Фронт».
Учредитель газеты и редактор
«ШИМ» Журкин Максим.

Редакционный совет: Антон Врადий, Квасаров Илья, Виктор Гаер,
Евгений Штрассер, Шредер Ганс. Связаться с нами можно по
электронной почте: nbrussia@gmail.com
Наша группа в социальной сети «ВКОНТАКТЕ»
http://vkontakte.ru/nazbol_nbf
Сайт центрального отделения НБФ-Москва <http://nazbol.host22.com>
Официальный сайт газеты «Штык и Молот» <http://nbr.ucoz.org/>

Подписано в печать
Заказ №
Объем п. л.
Тираж 999 экземпляров.
Распространяется
бесплатно.